

Братья ШВАЛЬЕРЫ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

...ЖИВ?

Братья Швальнеры
...жив?

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Швальнеры Б.

...жив? / Б. Швальнеры — «ЛитРес: Самиздат», 2021

«Цой жив» - далеко не расхожая формулировка, выражающая отношение фанатов к своего кумиру. Фраза эта не лишена реальной подоплеки, которая начинается с целого ряда нестыковок при организации расследования гибели и похорон знаменитого музыканта. Сама его смерть полна загадок, чтобы разгадать которые героине книги – следователю из латвийского Тукумса, что вела дело о ДТП в августе 1990 года – придется встретиться со знакомыми и родственниками Цоя и погрузиться в мельчайшие детали его биографии, начиная с первых шагов на сцене и до обретения им статуса всесоюзной звезды. Какие тайны кроет в себе резонансная авария, как они связаны с личностью певца, и кто же на самом деле лежит в его могиле? Основанная на реальных событиях книга даст ответы на эти вопросы и раскроет величайшую загадку легендарного артиста. Содержит нецензурную брань.

© Швальнеры Б., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	23
Глава третья	27
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Братья Швальнеры ...жив?

Авторы надеются, что любому разумному читателю понятно: никаких событий и лиц, описанных в романе, никогда не имело места и не существовало (просто не могло существовать). Все совпадения, конечно же, случайны

Пролог

«Сын и отец Виктора Цоя попросили Путина разобраться с новым фильмом о музыканте» («Лента.ру», 1 сентября 2020 года):

«Александр и Роберт Цой, сын и отец музыканта Виктора Цоя, направили обращение президенту России Владимиру Путину с просьбой разобраться с новым фильмом о музыканте. По словам родственников, картина порочит доброе имя Цоя, пишет «Газета.ру».

В частности, в письме отмечается, что ни отец, ни сын не давали согласия на использование образа музыканта в фильме. Несмотря на это, утверждают родственники, Министерство культуры выдало картине прокатное удостоверение. Авторы обращения подчеркивают, что использование личных сведений, в том числе выдуманных, о музыкантах группы «Кино» нарушают интересы их и их семей.

Разобраться с фильмом Александр и Роберт попросили срочно, не дожидаясь решения суда и выхода ленты в прокат. «Получилось малопочтенное, не соответствующее фактическим обстоятельствам пошлое зрелище, привлекающее аудиторию всем известным именем Виктора Цоя и цинично монетизирующее интригу "раскрытия" чего-то якобы "ранее не раскрытого" в его судьбе"», – заявили родственники музыканта.

27 августа вышел трейлер фильма Алексея Учителя «Цой», посвященного водителю автобуса, в аварии с которым погиб лидер группы «Кино» Виктор Цой. Учитель рассказывал, что все реальные имена изменены, а происходящее в автобусе «выдуманно от начала до конца».

8 сентября 2020 года, Москва, кафе «Листья» у станции метро «Красные ворота»

Москва утопала в бабьем лете. Только-только начавшаяся осень успела позолотить тротуары опавшей листвой и, как будто испугавшись разведенного на столичных улицах по неосторожности костра, убежала, уступив место не окончательно еще ушедшему лету. Пара теплых деньков – как последнее напоминание о жарких днях високосного лета – и она снова вернется, только уже не пугливым ребенком, а вредной ледяной бабой, обдающей горожан ледяным дыханием октябрьского ветра и вышибающей из них воспоминания о теплом времени года и вообще все человеческое. Зная об этом, москвичи в последний раз вылезли из своих железобетонных коробок, чтобы понежиться под теплыми солнечными лучами и попрощаться с жарой на долгие девять месяцев. В преддверии длительного анабиоза Москва ненадолго ожила, даря жителям столицы улыбки и глупо-веселое настроение без каких-либо причин.

Не портили настроение даже противовирусные ограничения, введенные в эту пору в столице в связи с массово начавшейся эпидемией вирусной пневмонии. Они были абсурдны – например, посетителей кафе заставляли сидеть в зале в масках и пищу употреблять, чуть отстранив от себя ватно-марлевое полотно. А, употребив, возвращать его на место. Абсурд этот веселил всех, кроме двоих гостей заведения.

–Ну совсем уже до безумия докатились. Жрать – и то в масках надо!

–И не говори...

Плохое настроение было только у режиссера Алексея Учителя и продюсера Сергея Сельянова, собравшихся в эту дивную пору в маленьком кафе недалеко от академии МИДа, чтобы подвести неутешительные итоги встречи режиссера со «своим человеком» в Министерстве культуры. Последний месяц – с тех пор, как они во главе съемочной группы закончили работу над фильмом «Цой», – Учитель практически не вылезал из Министерства, то и дело отписываясь от жалоб, что строчил на него обиженный откровениями картины отпрыск великого музыканта. Столько времени в бюрократических организациях режиссер не проводил

даже в знаменитое цензурой советское время. Все это тяготило деятеля культуры, в общем, далекого от посещения кабинетов, и сейчас, вернувшись с очередного такого randevu, он молчал, запивая гнев холодным чаем и слушал своего товарища, погруженного в чтение новостей на смартфоне.

—Однако... — всплескивал руками Сельянов. — Ефремову дали 8 лет! Причем за ДТП. Ты когда-нибудь о таком слышал?

—Ты про строгость наказания? Так ведь ДТП-то смертельное! — буркнул Учитель, поглощая чашку за чашкой.

—Дело не в этом. А в том, кто именно сидит за рулем. Васке Пупкину уж наверное бы простили... А тут — стихи супротив царя читал, либеральную оппозицию поддерживал, да и дочь в Минске на баррикады влезла, потому и вlepили, как говорится, по совокупности преступлений. Да... Власть вроде на тысячу раз за последние 30 лет поменялась, а методы ее борьбы против неугодных остались прежними.

—Что ты имеешь в виду?

—Я имею в виду автоаварии, — рассудительно отвечал продюсер. — Конечно, суть расправ с инакомыслящими и инакочувствующими поменялась в более иезуитском, изощренном направлении, но суть-то осталась прежняя. В средние века ядом травили, потом на дуэлях будто бы случайно поэтам головы отстреливали, а после железный конь стал бичом репрессивной политики. Вите Цою устроили аварию за его стихи и песни, а спустя 30 лет примерно за то же самое — Ефремову. Другой антураж и он остался жив, а однако же тоже стал жертвой властной расправы с использованием транспортного средства.

—Да ну, брось, — махнул рукой уставший кинорежиссер. — Ну кто это его за руль пьяного усадил? Или, скажешь, водку в рот насильно влили?

—Уж не знаю как там насчет водки, — не унимался его коллега, — а только частное расследование адвоката недаром установило, что умные собянинские камеры зафиксировали в момент столкновения автомобилей руку в белой рубашке и белой перчатке на руле Мишиного автомобиля!

—Ты серьезно?!

—Серьезней некуда! Посадили каскадеров за руль к Мишке, пьяному «в нулину», те устроили ему ДТП, а потом затолкали его на водительское сиденье и были таковы! Потому он и не помнит ничего толком, что, возможно, в рамках этой самой операции влили ему с водкой вместе что-то посерьезнее... А на всю страну раструбили — мол, вот, смотрите, чего глашатаи либеральной оппозиции себе позволяют! Вот тебе и резонанс. Вот тебе и 8 лет...

—За что же его, по-твоему? За стихи? Всего-то? Боюсь, времена сегодня не те... — тяжело выдохнул Учитель, отставил от себя, наконец, чайные принадлежности и приложился к кальяну.

—Времена всегда одинаковые. И сейчас, и в конце 1980-х. Или ты считаешь, что практически непьющий — кстати, в отличие от Ефремова, — Цой случайно под автобус залетел? — Собеседник ничего не успел ответить, а Сельянов продолжал: — Нееет. Трон под властью шатался в ту пору на фоне бархатных революций. Шатается и сейчас. А кто эти революции делает-то? Молодежь, охочая до песен и стихов о правде и свободе. Молодежь, которая тогда и сейчас «ждет перемен». Поэтому и случившееся с Цоем, и случившееся с Ефремовым не случайно. Да и происходящее с нашим с тобой фильмом тоже. Влезли мы с тобой добровольно под бульдозер... Кстати, как ты съездил-то?

—Хреново съездил, — тихо ответил Учитель. — Сказали, письмо, конечно, чушь полная, никакого нарушения закона в нашем фильме нет — если так рассуждать, как этот Саша, то всем писателям и сценаристам надо запретить даже вскользь упоминать о реально живших людях и начисто похоронить жанр биографии, — но подождать с выходом картины все же придется. Минкульт хочет провести формальную проверку по заявлению — чтобы, как говорится, никому

даже повода не давать плохо думать про нас с тобой. Да и нельзя же совсем без внимания оставлять клязу, написанную на высочайшее имя! Нет, надо все проверить, все взвесить, дать мотивированную отповедь. А за это время, пока они будут формальностями заниматься, глядишь, или ишак, или падишах...

– Или мы с тобой.

– Не понял?

– Время для нас с тобой в данном случае самое дорогое! Годовщина смерти Цоя прошла, сентябрь в разгаре, люди на работу возвращаются, дети в школы, бунтари и гопники – в университеты и каблухи. Им скоро не до Цоя будет и не до фильма. Тут такое дело – по горячим следам, или в день кончины, или максимум месяц спустя об этом говорить надо. Через полгода уже никто и не вспомнит, и пролетим мы по кассе с нашим фильмом как фанера над Парижем. Ты же не первый год в киноиндустрии работаешь – знаешь, что дорога ложка к обеду... – разъяснил уже с позиции финансов продюсер, которому перспектива потерять потраченные в большом объеме деньги никак не улыбалась.

– В том-то и дело, что знаю. И еще знаю, что этот твой дурак Ефремов со своим процессом и ежедневными обзорами на эту тему вышибает нас с нашим фильмом из информационной повестки, тоже не добавляя кассовых сборов будущему прокату! – рывкнул неожиданно вдруг Учитель, заставив кальянную трубку вылететь изо рта своего собеседника. – Все знаю. А сделать ничего не могу. Родня уперлась рогом, и баста. Подумать только – 35 лет назад, когда я с Цоем вместе в его кочегарке снимал первичку для фильма «Рок», никто и подумать не мог, что на горло фильму встанет годовалый сын исполнителя главной роли. Ангел ведь был, не ребенок. А ты посмотри, какая... выросла. И всем денег подавай. Это он в мамашу, такая же была выжига.

– А формально-то что не нравится? Ну не стали же они писать Путину про свою зоологическую жадность?

– Нет, конечно. Формально им якобы не нравится любовная линия между водителем автобуса Фибикусом и следовательшей этой из Латвии. Казалось бы, их-то она и не касается, а поди ж ты! Ну разве я виноват, что так оно и было?! Что ж мне, врать теперь?

– А какие еще претензии? Может, можно как-то подрехтовать, чтобы сгладить острые углы? – робко забормотал продюсер, мысленно уже простившийся с баснословной семизначной цифрой в долларах, что на глазах уплывала из его бюджета.

– Да как?! Уж и дисклеймер дал о том, что все вымышлено от начала до конца, и все не слава Богу. Им и образ Марьяны не нравится, царствие ей небесное. И то, что они – как в фильме показано – с новым мужем ее, с Рикошетом, за Витиным телом в Латвию приехали и всю обратную дорогу в автобусе этом пили и зажимались по углам. И то, что Разлогова – опять же чистая правда! – быстро поняв, что замуж за него выскочить не успела, и в будущем никаких авторских отчислений не увидит, как своих ушей, в первые же минуты после смерти охладела к Цою, махнула на тело и скarb его рукой, и стала отчаянно налаживать личную жизнь с другим. Короче, все сюжетные линии, созданные руками Бога и Цоя, им не нравятся.

– Не понимаю только, как эти линии напрямую Цоя касаются? Его-то имя, собственно, где опорочено?

– Да его-то имя нигде. Вот только демонстрация этой неприглядной, хоть и не влияющей на образ святого, в общем-то, правды, сформирует к родне ряд вопросов, первый из которых: а так ли все это? И, если вдруг выяснится, что так, – а, рано или поздно, это выяснится, – то следом за этой, вроде бы незначительной, потянется и другая правда, куда более масштабная. А, если уж она вскроется, то тут и доброе имя, и образ святого, и авторские отчисления вместе с посмертной популярностью – все под ударом окажется.

Разъяснение Учителя звучало тем более пугающе, чем более непонятными для продюсера были его доводы. В отличие от Учителя, Сельянов не был знаком с Цоем при жизни,

никаких таких тайн не знал, и попросту не понимал, о чем тот вдруг – впервые за все время работы над фильмом – сболтнул.

–О чем это ты?

–Да обо всем понемногу. И об «убийстве», как ты выражаешься, на политической почве, и...

–Думаешь, сам умер?

Учитель улыбнулся – впервые за вечер, – ничего не ответил и повернулся головой к огромному французскому окну, открывавшему посетителям кафе панорамный вид столицы. Вечерело. Людей на улицах становилось меньше. Согревающее Москву солнце пряталось куда-то за Кремль, и столица медленно погружалась во тьму.

Глава первая

*А с погодой повезло – дождь идет четвертый день,
хотя по радио сказали – жаркой будет даже тень.
Но, впрочем, в той тени, где я, пока и сухо и тепло,
но я боюсь пока...*

Цой, «Кончится лето»

15 августа 2005 года, Тукумс, Латвия

Август в этом году рано начался и так же рано заканчивался, уступая место упрямой осени. К середине месяца обычная для этих мест летняя жара стала назойливо-душной и мрачной, солнце ушло с небосвода, почти ежедневно затянутого тучами, и почти каждые сутки сопровождалось проливными дождями. Оттого жить и работать не хотелось, шум моря не радовал, все на свете было в тягость.

Эрика Казимировна Ашмане пребывала в состоянии глубокой депрессии. Неуклонно приближающийся средний возраст, постоянные оглядки в прошлую жизнь, и это осенне-летнее сочетание сумрака и душного воздуха снижали КПД ее работы практически до нуля. Никогда еще не относилась она к своим обязанностям с таким пренебрежением, никогда не было у нее желания использовать право на пенсию по выслуге лет, хотя сложные времена уже, бывало, выпадали на ее долю и в куда большем количестве. Так, 15 лет назад, стоя на страже законности, она пережила тяжелейший для всех латышей период, связанный с выходом страны из СССР и сопротивлением московских властей свободному волеизъявлению замученных полувековым гнетом ее граждан. И страшно в тот период было не только и не столько количество пролитой мирными гражданами крови, как то, что за полвека оккупации страна, стремившаяся по уровню развития к ведущим европейским державам и признаваемая ими на равных, откатилась лет на сто назад. На европейскую почву ее было нанесено много чужого, грязного, фальшивого, и вышибать из людей это приходилось с болью. И даже спустя 15 лет отголоски оккупации еще встречались в жизни Эрики Казимировны...

Взять хотя бы ее службу. Да, уже не советская милиция, уже полиция. Другая форма, другая дисциплина, другие порядки, цели и задачи... А бардак все тот же! Отношение к службе наплевательское у всего руководящего состава, так как знают – пенсия обеспечена, никто с места не спихнет, и особо рьяно исполнять служебные обязанности смысла и желания нет. Все это перенимает молодежь, которой неоткуда взять хороший пример. А откуда его возьмешь, когда приморский Тукумс, оставшийся без построенных властью оккупантов пансионатов и рыбного комбината, при новой власти стал считаться провинцией, и молодым тут нечего делать, кроме как прожигать жизнь в робкой надежде перебраться в переполненную народом Ригу, где куда сложнее бороться за место под солнцем?!

Жить и работать хотелось все меньше. Поэтому все чаще следователь полиции отвлекалась от своих дел и думала о личном. Правда, на этом участке фронта тоже особых успехов не было, и в общем-то подводить итоги было нечему, но и работать не хотелось. Такого за Эрикой никто никогда не замечал. Всегда она любила службу, относилась к ней ответственно, жила и горела на работе. А сейчас перестала. 3-4 дела в производстве – бытовая ссора с ножом, ограбление, пьяная драка и еще что-то в этом духе – и все. И ничего интересного. Наоборот – одно лишь созерцание постсоветского мрачного наследия и осознание своей причастности к нему. Быть причастным и запачкавшимся – суть одно. То ли дело раньше, когда националисты

и коммунисты бесчинствовали, превращая жутковатое расследование собственных выходов в подобие войны за демократию? Или когда она вела дело о ДТП с участием Цоя, которое тоже было окутано политическими и социальными страстями?..

Правда, дела эти доставляли больше изжоги, чем удовольствия, и рвение Эрики Ашмане объяснялось ее честолюбием, что само по себе не есть хорошо, но все же «было время». Была молодость, были – и у нее, и у всех латышей – надежды. И пусть не было хлеба с маслом, но ведь надежды, как показывает история, куда важнее для народа!..

Обо всем этом Эрика думала, сидя на совещании у своего начальника Гуннара Цирулиса во второй половине дня. Он что-то говорил, отдавал приказы и распоряжения агентам из оперативных служб, даже что-то надиктовывал ей, и она вроде бы даже записывала за ним, но делала это механически, не вникая в суть слов. Казалось, он это заметил и решил немного «подколоть» старого боевого товарища.

–Эрика, – отвлекшись от властных указаний, вкрадчиво начал полковник, – а ведь сегодня ровно 15 лет со дня, когда я назначил вас руководителем следственной группы по делу № 480... Помните?

Следователь Ашмане вскинула брови – такое не забывается.

–По тому, которое никогда не возбуждалось? По Цою?

–Именно.

–Помню, но не вижу повода ничего отмечать, – уныло пожала она плечами. – Никакого дела – уставший водитель уснул за рулем и стал жертвой собственной беспечности. Никакого состава преступления, так как ущерб он причинил самому себе. Никакого уголовного дела.

–Э, не скажите, – глубокомысленно парировал полковник. – В деле № 480 важна была не сама фабула, а общественный резонанс. Представляешь, что было бы, если бы тогда мы повелись на провокационные депеши из Ленинграда и возбудили бы дело? Одним Фибиксом тогда бы не обошлось. Доброхоты из центральных управлений понаехали бы и заставили бы нас под давлением его русских поклонников искать иголку в стоге сена. Пристегнули бы партийное начальство к этому делу, как тогда модно было, а если бы мы стали отказываться, то и нас самих. Но ты не позволила этого, проявила принципиальную позицию – состава преступления нет!

–Ну тут дело не во мне, Гуннар, – продолжала скромничать Эрика. – Вернее, не только во мне. Тем столичным доброхотам, про которых вы сказали, в ту пору начавшейся борьбы за независимость было чем заняться, кроме нас.

–И все-таки! Грамотно проведенное дознание с твоей стороны спасло нас от многих проблем...

Эрика понимала, что Цирулис ей льстит. Кончалось лето, начиналась осень, с нового года он и вовсе собирался на пенсию по возрасту, но была большая вероятность до нее «не дожить». Тукумская полиция показала начальству (очковтирательство – еще одна ипостась тяжкого наследия советского прошлого) плохие результаты по раскрываемости преступлений, что было чревато отставкой главы местного следствия. У Цирулиса в запасе была пара месяцев, чтобы эти показатели подкорректировать. А сделать это можно было только за счет Эрики, которая извечно тянула на своих плечах целый отдел. Опытнее и трудолюбивее нее в Тукумской полиции кадров не было. А она – Цирулис это видел – впала в депрессию. Вывести ее из этого состояния стало для Гуннара идеей «фикс».

–А проблемы были бы, ох, были бы, – нажимал он все убедительнее и ярче. – Его безумные фанаты и тогда центральный аппарат МВД осаждали, и сейчас не унимаются. Ты только почитай российские газеты – опять волна самоубийств подростков по случаю 15-летия со дня его смерти!

–Странно... Эти подростки его уже не могут помнить, по возрасту не положено. Если они до сих пор там этим увлекаются, то тут одно из двух: или русские снова недовольны властью

и «ждут перемен», или выражают несогласие с итогами нашего следствия по делу № 480. Так что выходит, что злую шутку мы сыграли и с ними, и с собой, прикрыв это дело...

Последняя фраза была лишней. Цирулису было не до высоких материй, и он явно вышел из себя.

–Ну, перестань. Мы добросовестно работали. Если он спал за рулем, тут никто не виноват. И не перегибай палку. А лучше расскажи, как у тебя дела по ограблению той старухи?..

Нет, она знала, что Гуннар врет. Приукрашивает факты, чтобы, как говорят русские, ей потрафить. В действительности ее потому поставили на дело № 480, что за рулем автобуса, нектати встретившего машину Цоя, был не кто иной, как Янис Фиби́кс, с которым у Эрики в ту пору складывались отношения. Отношения, правда, были так себе, хлипкие, одно название – Фиби́кс был знаменитым местным ловеласом, да к тому же еще и женатым, – а все же переживавшие за нее коллеги, включая того же Гуннара, вошли в ее положение и отправили на выручку возлюбленному именно ее. Кто, кроме влюбленного сердца, лучше справится с такой задачей? Вспомнив об этом, она почувствовала нечто вроде благодарности своему начальнику и, поднявшись из-за стола, начала рапортовать.

Вечером Эрика договорилась посидеть в местном прибрежном кафе с подругой – бывшим бухгалтером Тукумской полиции, Норой Райкуте. Нора была чуть старше ее, и уже года два как пребывала на заслуженном отдыхе по выслуге лет. Время от времени они встречались и обсуждали весьма непримечательную личную жизнь обеих. Правда, если у Эрики все было с этим совсем плохо вот уже больше 10 лет – с тех пор, как она рассталась с Фиби́ксом, – то у Норы время от времени возникали новые ухажеры, правда, не отличающиеся особым постоянством. На прошлой неделе подруга следователя отметила свой день рождения, а та не смогла к ней прийти. Вот и решили наверстать упущенное, в очередной раз не преминув перемыть кости здешним жителям.

–Сегодня Яниса видела, – после третьего коктейля, словно собравшись с духом, произнесла Нора. – Он ведь теперь местная звезда.

–Какого Яниса?

–Будто забыла?

Эрика подняла на подругу тяжелый взгляд.

–Не забыла, к сожалению. Но, убей Бог, не пойму, что я тогда в нем нашла? На что купилась? Ведь шофер, водитель простой с автобазы. Ни ума, ни фантазии. И вправду говорят, что у девушек в том возрасте ветер... повсюду...

От такого фривольного разговора Нора захохотала в голос:

–Ну это тебе виднее, что в нем такого было особенно выдающегося, что такая красotka как ты на него запала. Но я могу предположить, что, вероятно, размер мужского достоинства стал определяющим фактором...

–Что ты мелешь? – застеснялась было Эрика, но вдруг вспомнила, что разговор на интимные темы перевела сама, и осеклась.

–Ничего необычного. Перестань – в нашем возрасте говорить о таком уже не грешно. Просто я где-то читала недавно, что интеллект и половые способности мужчины находятся в обратно пропорциональной связи. Короче говоря, чем больше в одном месте, тем меньше в другом. И наоборот. Вот я и догадалась...

Что ж, догадалась Нора правильно. Именно потому что, как правильно подметила Эрика, в ту пору у нее повсюду гулял ветер, именно физиологические, а не личностные качества Фиби́кса определили ее выбор жизненного спутника пусть даже на непродолжительное время. Согласившись с точкой зрения приятельницы, Эрика только махнула рукой и уточнила:

–А что ты там говорила насчет звезды?

–А ты разве не слышала? Он же из России недавно вернулся. Интервью там центральному телеканалу давал касаясь того злосчастного ДТП и его роли во всем этом...

–О, Господи! – схватилась за голову Ашмане. – Представляю, что он там нанес...

–Ничего страшного. Обычная политическая конъюнктура. Что ему сказали, то под запись и повторил. Мол, ему изначально казалось странным, что его в выходной в 5 утра отправили в какую-то командировку, что Цой не показался ему спящим за рулем и прочие инсинуации – намеки на заказное убийство, чьим невольным соучастником стал наш Янис.

–Вот идиот! – все сокрушалась следователь. – Я ему навстречу пошла, закрыла глаза на сотни нестыковок в этом деле, доказала, что Цой и правда уснул тогда за рулем. Рискнула, можно сказать, служебным положением! А он вместо благодарности такую околесицу несет! Вот уж действительно права ты – мозг у этих, с позволения сказать, альфа-самцов, работает так себе...

Цой не нравился Эрике. Перемены, о которых пел русский певец, были ей чужды как потому, что ее блестящие перспективы на советской службе ей вполне себе импонировали, и менять их на призрачные посулы капиталистической демократии выросшая все же в социалистической стране Эрика не торопилась, так и потому, что она была латышка. Латыши, конечно, жаждали освобождения, но никак не за счет национальной самоидентификации русских, которые после развала Союза претендовали на первенство на территории постсоветского пространства. А Цой ведь пел по-русски. И обращался на этом языке к представителям всех 15 соединенных государств, как бы тонко намекая: мы здесь хозяева, а вы гости. И намек этот никому из представителей национальных меньшинств не нравился!.. Ну, и конечно, потому, что ей нравился Фибикус – а он по делу о смертельном ДТП рисковал стать главным обвиняемым.

–Значит, говоришь, он там рассказывал правду о том, как Цоя убили комитетчики, а он стал игрушкой в их руках? Что ж, старая сказка, – махнула рукой Ашмане.

–Старая, но актуальная, – воздела палец к небу Нора. – Читала про очередную волну самоубийств в России на фоне годовщины его смерти?

–Да уж, просветили. Завидую я им.

–Кому?

–Русским. Не скучно им жить. Хотя что-то каждый день из ряда вон выходящее, да происходит. А у нас – скучища...

–В этом ты права, подруга, – протянула Нора, заказывая очередной коктейль.

Через час они разошлись. С возрастом Эрика все чаще замечала, что ей становится не о чем говорить со вчерашними приятелями и приятельницами, что они взаимно становятся не интересны друг другу. Признаться, она сегодня и не хотела встречаться с Норой, сказавшись больной или еще по какой причине. Просто после душного дня предложение посидеть под небольшим дождиком в приморском кафе сыграло свою роль, хотя никакой надежды на более или менее интересный вечер не было и в помине. Первый хмель пьяных пляжных коктейлей еще как-то скрасил ненадолго вечер двух «заклятых» подруг, но очень скоро только усилил взаимную скуку. Нора, видя, что приятельница начинает зевать, быстро подцепила какого-то скучающего ловеласа за соседним столиком – это было ее любимое времяпрепровождение – и оставила Эрику. А та, выпив еще немного, собралась домой...

Дождь усиливался и как будто не хотел ее отпускать. Море, уставшее от дневного штиля и духоты, разбушевало. Благо, до дома ей было недалеко – от моря квартала два. Она в считанные минуты преодолела километровое расстояние, успев промокнуть и протрезветь.

«Теперь точно спать будет легко и приятно, – подумала она, остановившись у подъезда и судорожно ища ключи на дне сумки, как вдруг увидела чуть поодаль приближающийся к ней знакомый до боли силуэт из прошлого с сигаретой в зубах. «Нет, этот проклятый день не мог

кончиться просто так. Как тогда, 15 лет назад, в этот день море так же бушует и, как это обычно бывает, шторм несет на берег всякую гадость. И какого только черта он сюда приперся?».

–Ты зачем..? – только и успела произнести она, когда знакомый незнакомец шагнул из тени ей навстречу и горячо поцеловал в губы. А уже несколько минут спустя ее квартира напоминала беспокойный берег внезапно разволновавшегося моря. Все летало, страсть кипела, было не до слов и не до разума. Людей, которых не связывало ничего, но которые много лет назад обманывали себя обратным, вдруг опять соединила похоть, так часто обманывающая даже самых разумных из нас ложным чувством любви...

Благо (или нет), длится обман недолго. Когда первый порыв страсти утих, и любовники в крайне неудобной позе расположились на ковре в спальне, затянувшись принесенными Фибиксом с собой дешевыми сигаретами, Эрика спросила:

–И зачем ты снова явился?

–Странный вопрос. Люб... – пробормотал было Янис, но она его оборвала:

–Даже не говори мне ничего на эту тему. Еще 15 лет я бы тебе, может, и поверила, но сейчас фразы подобного рода звучат просто как оскорбление.

–Интересно, – глупо хмыкнул он. – А почему тогда ты отдалась мне? И ведь не в первый раз за минувшие 15 лет...

–А по привычке. Инстинкт. Который, как доказано учеными, к любви не имеет никакого отношения.

–А зачем тогда я, по-твоему, здесь?

–Не знаю, – пожала плечами Эрика. – Тоже, наверное, инстинкт. Только другой – самосохранения.

–А что такое со мной должно случиться и – самое главное – как ты мне можешь помочь?

–С тобой уже случилось, – жестоко отрезала Эрика. – 15 лет назад. Сенека говорил, что преступник иногда может избежать наказания, но никогда – страха перед ним. То же сейчас и с тобой происходит. Пока ажиотаж вокруг Цоя был, ты сидел тише воды, ниже травы. А сейчас что? Решил подзаработать? Вдруг открылись тайны твоего сотрудничества с КГБ по этому вопросу? Слушай, на кого эти твои сказки рассчитаны, а?

–Сказки – не сказки, а смотри, какая волна самоубийств в России.

–Тогда я тебя не пойму. Если ты считаешь, что своими откровениями изменишь ситуацию в лучшую сторону, то зачем ко мне прибежал?

–Дура ты, говорю же я тебе, что...

–Не ври! – повысила голос женщина, демонстрируя полученные за время службы умения. – Ты прибежал, потому что ты трус. И дурачок. Как всегда, до тебя поздно дошел смысл сказанного в интервью и те последствия, которые оно может для тебя повлечь. Если тебе все с первого дня было ясно, то почему ты молчал? Союз рухнул через год после смерти Цоя – что мешало тебе сразу явиться к Москве и во всем признаться? Уж не то ли, что ты был секретным сотрудником КГБ? Могут они, скажи пожалуйста, под впечатлением твоих сказок сейчас так подумать? Могут. И ты пришел просить меня о дополнительных доказательствах твоей невиновности из дела.

Янис выпучил глаза, поражаясь ее догадливости. Он искренне не понимал, как женщина, пусть даже и с высшим образованием, и по должности не ему чета, может быть умнее мужчины. Выходец с небольшого хуторка под Плиеньциемсом, он был такой же темный, как тамошние непроходимые леса – в этом Нора Райкуте была поразительно права. Но и в другом не ошиблась тоже – в сексе ему, несмотря на возраст, равных не было. Как не было смысла дальше с ним говорить. Мгновение – и Эрика набросилась на него, спеша удовлетворить страсть, чтобы еще полгода (или сколько он там в очередной раз не появится?) не вспоминать о своей женской сущности, что пробуждал в ней только этот полуграмотный шофер с Тукумской автобазы, в

одночасье и ее стараниями ставший притчей во языцех. И чтобы, как у них это обычно бывало после второго раза, снова возненавидеть друг друга лютой ненавистью.

Символично, что их первый раз тоже был 15 августа. В такой же душный и сумрачный день, только 15 лет назад. В кабине «Икаруса», стоявшего у полуразрушенного мостика через речку Тейтупе в нескольких километрах от Тукумса. Того самого «Икаруса», который стал в тот злосчастный день одной из причин гибели Виктора Цоя.

Досье (гибель Цоя). Звонок от местного жителя поступил в дежурную часть Тукумса в 11.30. На место происшествия – к 35-му километру дороги Слока-Талси – выехали следователь Эрика Казимировна Ашмане и старший инспектор ДПС Тукумского РОВД старший лейтенант милиции Янис Элмарович Петерсон.

Прибывшие сотрудники милиции увидели такую картину: на мосту с правой стороны поперек дороги стоял «Москвич-2141» (госномер Я 68–32 ММ) с развороченным передком. Рядом с машиной, с трудом извлеченный из салона врачами приехавшей чуть раньше «скорой помощи», лежал молодой черноволосый парень. Без сомнения, умер мгновенно. Справа, съехав передними колесами в мелкую речушку Тейтупе, стоял белый «Икарус».

Скорость «Москвича» точно определить не удалось, но, несомненно, она была не меньше 100 километров в час. Об этом свидетельствовали положение автомобиля после столкновения и отлетевшие далеко в сторону обломки его двигателя. Как покажет следствие, машину отбросило от места столкновения на 22 метра назад, обломки двигателя разлетелись в радиусе 12–15 метров. Целой от машины Цоя осталась лишь задняя часть салона. Счетчик пробега «москвича» остановился на 3400 километрах. Восстановлению автомобиль не подлежал...

На асфальте остались выбоины и следы юза, по которым было несложно определить место столкновения, значит, легко было представить и процесс аварии. Все параметры и данные тут же занесли в протокол, составили схему первичного осмотра места происшествия.

...К хутору Дреймани идет прямая ровная дорога. На этой дороге разрешенная скорость – 90 километров в час. Ближе к мосту дорога сужается. Далее опасный поворот. Ясно, что водитель обязан тут сбавить скорость, чего Цой не сделал и что опять же свидетельствует о потере ориентации. Сотрудники ГАИ так и не нашли тормозного следа «москвича» на крутом повороте. Изучив след протекторов шин, следователи, к своему изумлению, пришли к выводу, что как минимум последние 233,6 метра (примерно семь секунд движения) до места аварии Цой почему-то ехал по правой обочине дороги. След протектора от правого колеса его «москвича» отмечен на правой обочине за 21 метр до мостика, от «кармана» автобусной остановки. Криволинейный (!). Через 11,5 метра после моста след круто выходит с обочины на асфальтированную часть дороги по направлению к точке столкновения. Следов торможения не обнаружено. Заснул ли Цой за рулем или задумался – этого уже никто не узнает. Официальным расследованием установлено, что «...автомобиль «Москвич-2141» допустил касание столбика ограждения моста, именно после этого пошел юзом, и его выкинуло на встречную полосу под колеса «Икаруса-250», а затем, после столкновения с автобусом, отбросило обратно – к перилам моста».

Передний бампер «Икаруса» прошел по капоту «москвича» прямо в салон, руль со стороны водителя был погнут, сиденья сбиты, разломан щиток передней панели. При осмотре установлено, что удар был справа налево, спереди назад. Приборная панель машины въехала в передний ряд кресел, прижав водителя к сиденью.

Итак, учитывая схему ДТП, картина происшествия выглядела так:

1. К автобусной остановке автомобиль Виктора Цоя движется со скоростью не менее 100 км/час. Знаки ограничения скорости и правого поворота им по непонятным причинам игнорируются. Вместе с тем, «Москвич» Цоя пока ещё очевидно всеми колёсными парами нахо-

дится в пределах дорожного полотна. Степень осознанности и контроля движения водителя – Виктора Цоя – уже под вопросом: спит Цой или ещё находится в сознании – установлению не подлежит. В любом случае, в целях надлежащего маневра на правом повороте целесообразно, как минимум, сбросить скорость до разрешённых 90 км/час и держать автомобиль ближе к разделительной полосе.

2. Из заключения криминалистической экспертизы ГАИ по делу № 480: «15 августа 1990 года в начале 12-го утра уже начало припекать солнце, было примерно 28 градусов тепла. Видимость в это время была ограниченной, асфальт – сухим».

На этом основании презюмируем солнечную погоду. Учитывая незначительную ширину проезжей части, независимо от местонахождения Солнца над горизонтом, возможен эффект ослепления Цоя, отчего не исключается подсознательное желание последнего держать автомобиль в теневой завесе. В любом случае, это – ошибочная стратегия. Во-первых, эффект чередования на глазных перифериях солнечных и теневых полос на высокой скорости создаёт прямо противоположный психологический результат: кажущаяся бодрость сознания при таких манипуляциях мгновенно сменяется психической заторможенностью, которая в итоге человека просто «рубит» – процесс быстрого засыпания гарантирован. Во-вторых, повторимся, при знаке резкого правого поворота левую пару колёс автомобиля, наоборот, желательно держать строго на разделительной полосе или в незначительном отдалении от неё. В противном случае присутствует риск не вписаться в правый поворот.

3. У «кармана» автобусной остановки «Москвич» Цоя правой колёсной парой сходит с дорожного полотна и мчит по обочине. След от протекторов – криволинейный! Под правыми колёсами – либо грунтовка, либо травяной покров. Иными словами, если Цой к этому времени уже спит и контроль над дорогой утрачен, незначительное изменение слухового / тактильного фона не сигнализирует водителю о надвигающейся опасности, как если бы под днищем на скорости свыше 100 км/час «ревел» гравий или «толкался» булыжник...

4. Оставшиеся до въезда на мостик через Тейтупе около семи секунд движения «Москвич» Цоя так и мчит по правой обочине дороги. По крайней мере, след протектора от правого колеса его «Москвича» отмечен на правой обочине за 21 метр до мостика, от «кармана» автобусной остановки. Криволинейность (!) следа и сам факт его наличия на правой обочине при необходимости совершения маневра на правом повороте (!) – предельные указания потери контроля над дорогой со стороны Цоя. Все более велика вероятность его сна за рулем.

5. По версии Э.К. Ашмане, Виктор Цой, мирно спавший за рулём «Москвича», неожиданно на короткое мгновение пришёл в себя, быстро оценил обстановку и, дабы вписаться в правый поворот либо беспрепятственно пройти ограждение мостика, попытался вернуть авто с правой обочины дороги. Однако за счёт большой скорости, лимита времени на подготовку маневра и незначительность водительского стажа слишком резко вывернул рулевое колесо влево, отчего «Москвич» вынесло на встречную полосу, где он и столкнулся со следующим навстречу «Икарусом».

Дознание ГАИ считало иначе: «... автомобиль «Москвич-2141» допустил касание столбика ограждения моста, именно после этого пошел юзом, и его выкинуло на встречную полосу под колеса «Икаруса-250», а затем, после столкновения с автобусом, отбросило обратно – к перилам моста». По этой версии Виктор Цой, не приходя в сознание, на крейсерской скорости, «со всей дури», влетел на мостик через Тейтупе, но столкнулся со столбиком ограждения. После этого удара неуправляемый «Москвич» вынесло на встречную полосу, где ему навстречу следовал бедолага «Икарус»... После столкновения «Москвич» отбросило обратно, к перилам моста.

Эта версия представляется более обоснованной даже без учета явной благосклонности Ашмане к Фибиксу и очевидного стремления его выгородить (так как, если эту версию брать за основу следствия, то надо признать, что, уйдя на безлюдной дороге на встречную полосу,

Фибикс мог предотвратить столкновение с автомобилем Цоя, двигавшемся уже почти хаотично).

Во-первых, в ее пользу говорит характер столкновения, определенный по останкам автомобиля Цоя – не лобовой, а касательный. Во-вторых, сам Фибикс в первые минуты дознания говорил о своей попытке увести «Икарус» на встречную полосу и избежать столкновения. Правда, слова его схемой ДТП не подтверждались, и потому он быстро от них отказался (очевидно, поняв, что этими словами он ухудшает свое положение, демонстрируя невнимательность за рулем в момент смертельного ДТП). А в-третьих, на эту тему есть мнения профессионалов.

Подполковник полиции, следователь Станислав Рыбчинский считает, что описанная схема ДТП не характерна для человека, который мог уснуть за рулем. Он утверждает: «Это было не характерно для водителя, который мог уснуть. Потому что, когда человек засыпает, он резко съезжает вправо и после этого начинает сдвигаться в правую сторону, машина съезжает и происходит столкновение с каким-то препятствием. Здесь же мы видим, что машина резко ушла влево. Это значит, что водитель среагировал на препятствие. Отсюда мы можем сделать вывод, что в момент столкновения Виктор Цой не спал. Отмечу, что реальных доказательств того, что Цой уснул за рулем, у латвийского следователя не было».

Ко всему вышеизложенному еще несколько вопросов относительно составленной схемы ДТП. Многое там не отмечено, и вообще схема составлена весьма небрежно.

Николай Чадков, криминалист: «В схеме аварии ничего практически нет, там очень мало информации. Там нет большей части размерных характеристик...»

Конечно, все это никак не указывает на прямую вину Фибикса в ДТП, но указывает на явно пристрастное отношение к нему следователя Ашмане, что и было описано в скандальном фильме Алексея Учителя. Что же стало его причиной- нелюбовь Ашмане к русским вообще и к Цою, в частности, или внезапная любовь к ничего из себя не представляющему Фибиксу, – точно неизвестно, да и сама она, наверное, не вспомнила бы сейчас об этом, но факт оставался фактом: следствие тогда выгородило нерадивого водителя, выдвинув версию об уснувшем за рулем поэте.

16 августа 2005 года, Тукумс, Латвия

На следующий день, во вторник, Гуннар Цирулис вызвал Ашмане к себе и с порога начал какой-то странный разговор:

–Ох, уж этот твой Фибикс... Опять он нам хлопоты доставляет...

–Почему это он мной?

–Ладно, перестань, – отмахнулся Цирулис. – Я все знаю. И то, что вы с ним встречаетесь, и то, что он там наплел по российскому телевидению. Славы захотел? А мы теперь последствия разгребаем!

–Какие последствия?

–Подумай сама, – полковник начал загибать пальцы, последовательно излагая факты последних дней. – В России волна самоубийств среди молодежи, приуроченных к годовщине смерти Цоя. Фибикс в это время по телевидению разглагольствует о том, что КГБ подстроило аварию с участием певца. Что получается? Что мы – по указке КГБ или без нее – недоглядели тогда и не узрели истинных причин его гибели. Так?

–Да ничего подобного. Кто такой Фибикс, чтобы такими утверждениями разбрасываться? Он-то откуда знает? – резонно парировала Эрика.

–Он не знает. Но есть масса недоработок в следствии, и это знаем мы с тобой. А вскоре и весь мир узнает. Главная из них – в том, что не мог Цой уснуть за рулем. Нарушил скоростной режим, врезался в столбик с указателем «Тейтупе», но не спал!

—А на что это глобально влияет? — все еще не унималась следователь. — Все равно мы констатируем его вину в ДТП, только еще, по сути, оправдываться перед всем миром начнем, что само по себе плохо. Ты так не считаешь?

—Я считаю, что мы отведем от себя всю ту мерзость, которой с избытком полил нас твой Фибикс, — логично рассуждал Гуннар. — Пусть и поздно, но мы покажем, что работу свою сделали, недоработки исправили, а, если кто и виноват в событиях 15-летней давности, то это не мы, а Фибикс. Ведь он видел, что «Москвич» Цоя выкатился на встречу и запросто мог занять левую полосу!

—Да, но обвинить-то его в этом нельзя — во-первых, он не успел вовремя сориентироваться, а во-вторых, сделав это, сам бы нарушил правила и мог бы допустить не менее печальный исход того дня.

—А мы и не обвиняем. Мы, как ты говоришь, оправдываемся и отпираемся. От того хотя бы, что, как он заявил и как они там в России считают, мы плохо провели следствие по делу. Некому будет к нам придраться, и никто не скажет, что мы действовали в паре с КГБ и стали виновниками самоубийств всех этих дегенератов, что Цоя никогда в глаза не видели, но считают его безвинной жертвой режима. Понимаешь?

—Понимаю, — начала кипятииться Эрика. — Но не понимаю, чего вы в этой связи от меня хотите? Чтобы я тоже выступила с интервью?

—Нет. Это не твоя чашка чая, как говорят англичане. Ты — следователь, и твой функционал заключается в другом.

Ашмане, кажется, начала что-то понимать. Главное из этого было то, что фигура Фибикса постоянно последние 15 лет приносила ей какие-то проблемы, и вчерашняя незапланированная встреча с ним не стала исключением.

—Уж не хочешь ли ты сказать, что мне надо отправиться в Россию, эксгумировать его тело, возобновить расследование и вернуться в обстоятельства 15-летней давности, которых даже историки уже не помнят?!

—Точно, — категорично кивнул Цирулис. Этот его жест не предполагал ни отказов, ни рассуждений, ни «торга». — Именно так мы и поступим. Я связался с УВД Санкт-Петербурга. Там тебя ждут и помогут в организации следственных мероприятий. А мы, со своей стороны, проведем их с учетом ошибок 1990 года, все оформим красиво, как говорится, причешем и раз и навсегда заткнем рот нашим злопыхателям в России. И никто, кроме нас с тобой, а точнее, кроме тебя, этого качественно и своевременно не сделает. Мы обязаны защитить честь мундира, но, если не сейчас, то не сделаем этого уже никогда.

Ашмане развернулась на каблуках и молча вышла из кабинета начальника. Вернувшись к себе, она обложилась бумагами, но перед глазами все плыло, сосредоточиться никак не получалось. Она заплакала, подумав, что слишком дорогую цену приходится ей платить за страсть, которая овладела ею 15 лет назад и до сих пор преследует, отравляя жизнь. Ей стало безмерно жаль себя, и в то же время она себя возненавидела за слабование и бесхарактерность. А ненависть издавна была главным двигателем ее персонального прогресса. Подумав вдруг, что сейчас ее принципиальность может положить конец роли Фибикса в ее жизни, и ее неприятностям, связанным с делом № 480, да и той депрессивной тоске, что охватила ее в последние дни, она смахнула все бумаги со стола одним движением руки и стала собираться в дорогу.

22 августа 2005 года, Санкт-Петербург, Россия

Эрика прибыла в «северную столицу» накануне вечером. Доехала до гостиницы, оставила там вещи и немного погуляла по городу. Город ей не понравился. Стоял конец лета, а на улицах его царили такой холод и слякоть, что душная атмосфера загнивающего на провинциальном дне Тукумса казалась ей сейчас раем на земле. На минуту она задумалась и вдруг поняла Цоя,

поняла, почему он так уставал от жизни в этом городе и почему каждое лето, начиная с 1987 года, отдыхал на латвийском побережье. Холод здешних мест, чьи напускные сусальные красоты были выстроены Петром Великим на человеческих костях, не мог не оставить следа на душах здешних обитателей – в первый же вечер Ашмане нахамили в метро и на ресепшн отеля, и это жестокое столкновение с местными нравами еще более усилило ту тоску, которая царил в ее душе накануне вылета. По части «развяться» Эрика жестоко ошиблась.

Но опыт подсказал, что утро вечера мудренее. Эрика легла спать, а утром начала свое победоносное шествие по бывшему цоевскому Ленинграду в поисках «того, не знаю чего». Начала с посещения ГУВД на Литейном, где ей сообщили, что с эксгумацией помогут, но для этого нужно согласие родственников. Также дали адрес матери Цоя, по дороге к которой Эрика решила посетить Богословское кладбище – быть в родном городе поэта и не зайти на его могилу было бы верхом бестактности.

На кладбище случайно разговорилась с местным смотрителем.

–Могила-то почти свежая... А ведь 15 лет прошло, – констатировала Ашмане.

–А ты кто? Поклонница, что ли? Да от вас тут спасу нет! Днем и ночью один-два дурака, да обязательно дежурят. Ну и как, при таком раскладе, скажи мне, могила может состариться?! Тут даже трава не растет, потому что натоптано все время! И чего вы только все сюда шастаете?..

–Ну как – чего? Почтить память кумира!

–Как ты почтишь его память, когда тут не он лежит? – вдруг выдал смотритель. Эрика взгляделась в него – не пьяный ли, – а сама решила развить эту тему.

–То есть как? А кто же?

–А я почему знаю? Только не он, и все тут. И родственники в курсе, и все на свете. Рост не совпадает, родинки не там расположены... В общем, не он и все.

–А как же эти родственники допустили, чтобы в могилу Виктора чужого человека положили? Где были их глаза? И главное – зачем?

–Этого уж я не знаю, я в этих делах не секу, – развел руками смотритель. – Может, решили из него при жизни легенду сделать, может, еще что, а только не он тут лежит... И чего только ходите?

Валентина Викторовна Цой была невысокого роста, крепко сложенной женщиной, какие, как подметила про себя во время первой встречи Эрика, массово производились в СССР на заре 1930-1940-х годов. Их внешний облик как нельзя лучше подходил человеку, на долю которого выпадали бесчисленные испытания, посылаемые государством своим гражданам в полубезумную пору его становления. Эти приземистые, напористые и закаленные во всех смыслах люди вынесли юный советский строй буквально на своих плечах, принимая участие в его бесчисленных стройках – кто добровольно, а кто и по приговору суда, – и они же вынесли его на свалку истории, стерев с лица земли все его атрибуты в начале 1990-х. История их закалила до такой степени, что, как верно говорил Маяковский, «гвозди бы делать из этих людей- крепче б не было в мире гвоздей». Потому, увидев Валентину Викторовну воочию, Ашмане поняла то титаническое спокойствие, которое не покидало ее в продолжение воспоминаний о сыне – только такая советская «железная леди» могла столь спокойно об этом говорить.

–О, спохватились, – всплеснула руками Валентина Викторовна, когда Ашмане представилась ей и объяснила цель визита. – Столько лет уж прошло, а вам тут вдруг приспичило расследовать... Раньше надо было...

–Как вы понимаете, раньше нам было некогда. Суверенитет себе отвоевывали.

–Ну и как? Успешно? Много унесли? –язвительно уточнила мать поэта.

–На наш век хватило, – не очень радостно ответила следователь.

–А ведь он именно об этом пел... Если бы раньше послушали, если бы услышали, и он был бы жив, и в 91-ом куда меньше крови бы пролилось! – с болью в сердце вдруг произнесла Валентина Викторовна.

–Вот об этом-то я и хотела вас спросить. Вы связываете его гибель с его творчеством?

–Что-то не пойму я. Вы же сами тогда всему миру раструбили, что он заснул за рулем, что произошел несчастный случай, что никто не виноват. А теперь что, на попятный?

–Если можно так выразиться... – снова виновато отвечала Эрика. – Так как вы думаете?

–Вам виднее, – развела руками мать. – Только мне кажется, что таких совпадений не бывает. Так шатать трон под мастодонтами советской власти и вдруг погибнуть на взлете, в расцвете лет столь нелепым образом... Как-то это, воля ваша, за уши притянута, что ли...

–Знаете, я была на его могиле, – поделилась своими наблюдениями Эрика. – Не могу сказать, чтобы при жизни я была особенным его поклонником, но сегодня на меня возложена такая задача, что пройти мимо я просто не могла. И сотрудники кладбища сказали мне, что, по их мнению, в могиле не Виктор. Рост там не совпадает и все прочее...

–Не первый раз слышу об этом, – отмахнулась мать. – И не считаю это чем-то серьезным. Вы же сами видели труп.

–Но я-то не знала его. А опознание проводилось... прямо скажем, спустя рукава.

–Не пойму, к чему вы клоните?

–К объективному следствию. В интересах которого – сделать эксгумацию тела. А на нее нужно согласие близких родственников.

–Вот те раз! – Валентина Викторовна посмотрели на посетительницу как на умалишенную. – Вы, что, хотите сказать, что Виктор жив? Поклонников наслушались или фильмов насмотрелись?

–Я хочу сказать, что причина смерти Виктора может быть куда сложнее, чем простой сон за рулем, – объяснила Ашмане. – Что кому-то могло быть выгодно ее скрыть и именно с этой целью выгодно было положить в его могилу другого человека – с тем, чтобы и годы спустя отгородиться от причастности к этой трагедии...

–Ну, хорошо, – согласилась старшая Цой. – Допустим, мы дали согласие на эксгумацию. Допустим, вы установили, что в могиле не он. Где же вы тогда настоящего-то Витю искать будете?

–Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала провести эксгумацию и установить, кому все это было выгодно. «Cui prodest», как говорили в старину. Выявим причастных, а там уж...

–По-моему, вы не там ищете. Если уж озаботились поисками серьезно, то надо вам вот что прочитать...

С этими словами она взяла со стола несколько листов печатного текста и протянула следователю. Вверху первой страницы было напечатано: «Виктор Цой. Романс (рассказ)».

Досье («Романс» Цоя). «Романс» – рассказ Виктора Цоя. Написан в феврале 1987 года в знаменитой котельной «Камчатка». При жизни автора не издавался, впервые читатели познакомились с ним в 1997 году в обновленной версии книги «Виктор Цой. Стихи. Документы. Воспоминания».

Произведение наполнено абстракциями и странными образами, в чем-то напоминая «наркотическое бодрствование» героев «Иглы». Только в «Романсе» – сверхсюрреализм, сверхабстракция. В нем, несколько перефразируя слова критика, «заканчивается романтическая ирония, а дальше простирается неоромантическая».

«Романс» достаточно сложен для понимания, однако привлекает к себе необычным использованием художественных образов и странностью мира, в котором пребывают его герои. Где-то проглядывают приемы нонсенса, а где-то – сюжеты видеофильмов из 90-х годов. Столь разнородный конгломерат в итоге превратился в достаточно интересное и

самобытное произведение, достойное занимать подобающее место в российской субкультуре. Впрочем, и в обыкновенной литературе тоже.

– Это его творчество? Он и прозу писал? Не знала, – пожала плечами Ашмане. – А о чем это?

– Сложно дать однозначный ответ, – пожала плечами Валентина Викторовна. – Но многие исследователи его творчества говорят, что тайны его жизни и смерти – все здесь зашифровано. Надо только ключ найти, понять. А уж потом приниматься за эксгумацию и прочие мероприятия. Без правильной формулы в самом начале остальные расчеты будут неверны...

Из рассказа Виктора Цоя «Романс» (глава № 1):

«...Он вдруг задал себе вопрос:

– Что у меня есть?

– У меня есть Дело, – начал размышлять Он. – И есть люди, которые помогают мне, хотя они того или нет, и люди, которые мешают мне, хотя они того или нет. И я благодарен им и, в принципе, делаю это Дело для них, но ведь мне это тоже приносит удовлетворение и удовольствие. Означает ли это наличие какой-то гармонии между мной и миром? Видимо, да, но нитка этой гармонии все-таки очень тонкая, иначе не было бы так трудно просыпаться по утрам и мысли о смерти и вечности и собственном ничтожестве не повергали бы в такую глубокую депрессию.

Однако единственный, по Его мнению, приемлемый путь добиться спокойного отношения к смерти и вечности, предлагаемый Востоком, все-таки не мог найти отклика в нем, так как предполагал отказ от различных развлечений и удовольствий. Сама мысль об этом была Ему невыносимо скучна. Казалось нелепым тратить жизнь на то, чтобы привести себя в полного безразличия к ней. Напротив, Он был уверен, что в удовольствии отказывать себе глупо и что заложенные в Нем духовные программы сами разберутся, что хорошо, а что плохо. Он приподнялся на локтях и посмотрел за окно, и огоньки еще не погасших окон показались Ему искрами сигарет в руках идущих в ночную смену рабочих. Он вдруг представил, как они стоят кучкой на перекрестке и, ежась от ветра, вырванные из теплых квартир, ждут служебный автобус.

Захотелось курить. Решив, что желание курить все-таки сильнее, чем желание остаться лежать и не шевелиться, Он встал, набросил свой старый потрепанный халат и, сунув ноги в тапки, побрел на кухню. Закурив, Он некоторое время сидел нога на ногу, жмурился от яркого света и внимательно смотрел на дым папиросы. Со стороны мундштука дым шел слегка желтоватый, а с другой – синеватый. Переплетаясь, дым тягуче поднимался вверх и рассеивался у закопченной вентиляционной решетки. Тут Он поймал себя на мысли, что минуту назад вообще ни о чем не думал, а был всецело поглощен созерцанием поднимающегося вверх дыма. Он засмеялся. Видимо, в этот неуловимый момент Он как раз и находился в состоянии полной гармонии с миром. Затем Он вспомнил, что нужно достать где-то денег и купить не особенно протекающую обувь. "Старая, – практично подумал Он, – протянет еще от силы недели две, а скоро весна." Докурив и снова зевнув, Он немного подался корпусом назад, отчего не груди Его, под левым соском, образовался проем с мягкими неровными краями. Глубоко погрузив туда руку, Он осторожно достал свое сердце, которое лежало там как в мягко выстеленном птичьем гнезде. Ощупав его и немного подышав на гладкую глянцевую поверхность, Он открыл дверцу кухонного шкафа и бросил его в мусорное ведро. Сердце лежало там неподвижно, затем стенки ведра начали покрываться инеем. Он встал, потянулся и пошел обратно в комнату. Перед самым замыканием краев проема внутрь незаметно залетел мотылек. Уже засыпая, Он услышал, как за стеной зазвонил будильник.

Проснулся Он от занудно крутящейся в мозгу строчки:

"Ты, семь, восемь, Ты, семь, восемь."

Встав с постели, Он шатаясь пошел в туалет. По пути из туалета в ванную Его настиг приступ рвоты. Перегнувшись через эмалированный край, Он засунул в рот два пальца и вдруг почувствовал, как под пальцем что-то шевелится. Он резко отдернул руку, и вслед за этим бесчисленное множество мотыльков так облепили лампочку, что уже через минуту Он оказался в полной темноте, в которой было слышно только шуршание крыльев и звук падения в раковину маленьких мертвых тел. Он успел заметить, что мотыльки были ярко-красные как кровь. Строчка продолжала играть:

"Ты, семь, восемь, Ты, семь, восемь."

Вернувшись в комнату, Он достал из ящика два пистолета, вставил дула в ушные раковины и одновременно нажал на курки. Падая, Он почувствовал, что пули сошлись точно в центре и расплющились одна об другую».

Глава вторая

«...Проходя мимо слабо освещенной телефонной будки, Он вдруг заметил в ней какую-то странность. Рывком оттащив прислонившегося к ней спящего человека, Он открыл скрипящую дверь и увидел: на телефонном диске вместо цифр – буквы и геометрические фигуры. Он достал записную книжку, набрал номер: В, А, квадрат, Г, треугольник и почти сразу услышал радостный, знакомый голос:

-Это ты?

-Это Он?

-Это ты?

-Это Он?»

Цой, «Романс», финальная сцена

А потом была встреча с Ней – чего не сделаешь, чтобы только избежать встречи с охотниками. Он заметил, что во время этих частых, но коротких, чаще всего вынужденных, встреч Она всегда грустит. Наверное, решил Он, Она поняла, что нужна ему только для удовлетворения потребностей и, пардон, чтобы головы не лишиться во время Охоты. Ему стало грустно от осознания того, что Она не такая уж дура, и все понимает.

Но почти сразу Он отогнал от себя эту мысль – с другой стороны, подумал Он, чего она хочет, если никаких особо тесных отношений между ними нет? Хотя бы раз призналась Она сама Ему в любви, сама проявила инициативу. Вон девушка, которую приводил Брат, давно уже объяснилась с ним. Да чего там – Брат у Нее с языка не сходит. Чем плохой пример? Он читал, что были когда-то времена, когда девушек принято было добиваться, но они давно прошли, поросли мхом и превратились в былинные. Надо перестраиваться. Все и вся ждут перемен, но никто не решается революционно провести их в жизнь. А что бывает, когда никто не решается? Тогда перемены сами постепенно входят в быт, вытесняя быт прежний. Но в таком случае процесс становится неподконтрольным... Что же выходит? От таких нерешительных в мелочах людей, как Она, зависит сама жизнь. И влияют они на нее не лучшим образом.

Обо всем этом Он думал, лежа у Нее на коленях. Она проводила руками по его обнаженному телу, будучи не в состоянии, казалось, насытиться Его присутствием, и оттого казалась Ему еще более навязчивой. От навязчивых людей Ему всегда хотелось бежать как можно дальше, но пока бежать было некуда – Охота еще продолжалась, и, сидя в ее маленькой квартирке, они не решались включать свет лишний раз, чтобы не встречаться с тем, с кем не следует. Ничего не оставалось, как предаваться любви.

Хотя, любовью это назвать было нельзя. И страстью тоже – потому что страсть есть некое подобие чувства, а у Него к Ней чувств не было. Скорее, животное совокупление – вот что это было такое. И не приносило уже Ему радости, как раньше, а, скорее, больше изнашивало – впечатление было такое, что Она Им пользуется. Причем, настолько сильное впечатление, что после совокупления Он подходил к зеркалу, осматривал всего себя, даже открывал грудную клетку и смотрел на сердце – не изменилось ли оно, не появилось ли в нем чувств, не стало ли оно по-особенному биться, как бьется у любящих людей? «А откуда мне знать, как оно у любящих, когда мне это чувство неведомо?» – с горечью думал Он и, констатируя статичность сердечной мышцы, возвращался в кровать.

Когда, казалось, Он совсем уже устает от Нее, Охота заканчивалась. Всегда это происходило поразительно вовремя – еще немного, минута буквально, и терпение Его могло лопнуть, Он мог наговорить Ей гадостей, ударить Ее, превратить Ее в миллионы осколков, кото-

рые после самому пришлось бы собирать (во время следующей Охоты). Но до этого, к счастью для обоих, не доходило. К несчастью для них же, в эту минуту начиналось Его вранье. Даже хуже вранья – это было молчание. И это молчание было тем опасно, что оно давало Ей повод домысливать, что они не чужие люди, что Он, возможно, питает что-то к ней и придет до следующей Охоты. Он не приходил. А Она все равно так думала. Ну кто же запретит Ей думать?..

«Ладно, пусть думает, а я пойду. Скажусь занятым. Надоело».

Охота кончалась, а день еще нет. Надо было где-то провести его остаток, а домой идти не хотелось – после массового гуляния еще несколько дней витал в душе приятный осадок раскрепощения народных масс, и Его самого, в том числе. Хотелось еще хмеля на губах, еще веселых танцев с песнями, которые никто не понимал, но которые так поднимали всем настроение. «Запретный плод сладок, – думал Он. – Потому эти гуляния так влекут людей, что они редки. В общем-то, официально они не запрещены, но проводят их нечасто, времени ведь нет ни у кого. И потому люди их еще ждут. Страшно себе представить, что будет, когда ждать перестанут. Когда они начнут проводиться чаще. Чем тогда жить? Как созерцать тогда весь окружающий ужас? Ведь тогда придется его менять, а к этому никто не готов...»

Такие мысли пугали Его, Он старался от них убежать, как убегал от Нее после окончания Охоты. И не было лучше места для этих побегов, чем ресторан «Капитан» в центре города.

Незамысловатое название придумал хозяин – неизвестно, был ли он когда-нибудь настоящим капитаном и вообще видел ли море, но звали его почему-то именно так. Да он, собственно, никогда ни про море, ни про волны, ни про корабли и не разговаривал – с чего все в один день вдруг решили, что он и есть Капитан? И не руководил он никем, никого не старался поднять под себя, никому не навязывал своего мнения (да и имел ли его вообще?). И все же был Капитаном. И нельзя было сказать, что в его ресторане царило особенное веселье, а все же там каждый мог высказать свою точку зрения на то или иное событие или человека (а у кого ее не было, мог послушать чужую), и получить от этого то крохотное удовольствие, какое только могла принести жизнь в Стране.

В «Капитане», как обычно после Охоты, собралось много народу. Здесь были те, кто еще недавно развлекал людей своей музыкой и чьи имена не сходили с уст; и те, кто развлекался этой музыкой и только внимал своим кумирам. Казалось, население целого города забилось сюда, оставив охотникам только пустые улицы в назидание, и те ничего не могут сделать – хотя ни для кого не секрет, куда все делись.

Полусумрачное даже днем, низкопотолочное заведение, окутанное клубами дыма, пыли и чего-то, похожего на странный белый порошок, давило и расслабляло собравшихся одновременно. Света было мало. Опять обсуждали музыку, что звучала вчера на городских улицах.

– Мне вчера понравилась твоя песня, – как обычно, никого не приветствуя, походя бросил Капитан, завидев Его за барной стойкой.

– Какая?

– Не помню. Все. Мне вообще нравится твоя музыка, я это вчера понял.

– Спасибо, но мне она представляется вполне обычной, ничем от других не отличающейся.

– А ей и не надо отличаться. Вообще никакая музыка не отличается от другой. Никакие произведения даже самых великих композиторов не отличаются от творений их собратьев по перу, и все нотные станы похожи друг на друга как родные братья. И все же одни произведения, подчас очень талантливые и яркие, меркнут, а другие, на первый взгляд, весьма посредственные, живут и не умирают!

– Не хочешь ли ты сказать, Капитан, что моя музыка бессмертна? – то ли в шутку, то ли всерьез переспросил Он. – И только потому, что она уступает музыке великих?

– Если ты не заметил, я вообще никогда никому ничего не хочу сказать, кроме бессвязного набора букв, в данную конкретную минуту волнующего, в той или иной степени, мою

душу. Иногда чем меньше смысла, тем лучше. «Что вижу, то пою». Услышал вчера твою музыку – сказал тебе. Может, завтра я ее забуду, и не такая уж она талантливая, как показалось. А, однако же, сегодня почему-то помню...

–Тебе легко говорить, – грустно протянул Он. – А что, если я не могу остановиться искать смысл?

–Тем хуже для тебя. Выпей лучше.

Капитан протянул Ему кружку чего-то огненно-крепкого и вонючего – такого, что Он и не пил до этой минуты, пожалуй, никогда в жизни. Стоило пригубить из грязного сосуда, как хмель ударил в голову, сразу стало жарко, голова противно закружилась, кости стало ломить. Спать не хотелось, но какая-то слабость сразу обуяла Его – как будто уставший от беготни Охоты и общества нелюбимой организм резко расслабился, скорее даже, ослаб.

–Скажи, Капитан, а разве не потому охотники охотятся на нас, что мы ищем смыслы, а, если не находим, то сами их создаем?

Капитан в ответ расхохотался:

–Дело совершенно не в этом. Во-первых, они не хотят, чтобы мы развлекались, хотят только, чтобы работали. Естественное стремление государственной машины. А во-вторых, если завтра они перестанут нас преследовать, то и интерес к нам пропадет. И тогда люди будут искать интерес к чему-то новому, которое может оказаться для власти куда более разрушительным, чем милые и малопонятные песенки об утопической жизни, которая никогда и не наступит вовсе.

«А все-таки я был прав, подумав утром, что постепенный приход перемен иногда хуже, чем революция, потому что ее хоть кто-то может контролировать, а вот когда начинается хаос... А Капитан лукавил. Все смыслы он понимает!»

В этот момент Он увидел Брата. Тот, как всегда, сидел в компании своей новой девушки, которая была из другой страны, многого не понимала, многое было для нее в диковинку и потому радовало – даже то, что местных жителей раздражало. Слабость из кружки, протянутой Капитаном, уже овладела всем его телом. Идти к Брату было лень, он махнул рукой и позвал его, показав поднятую на вытянутой руке емкость. Брат подсел к нему. Про девушку говорить нет смысла – она всегда глупо улыбалась и следовала за Братом всюду.

–Как тебе наше вчерашнее представление? – еле ворочая языком, спросил Он.

–А Капитан что сказал?

–Ему понравилось.

–Значит, всем понравилось, – махнул рукой Брат. – Тут ведь от обратного – если тебе пришлось прятаться от Охоты, значит, всем все нравится.

Брат шутил, но Он не понимал иногда его шуток. Он хотел слышать от своего родственника какое-то одобрение, участие. Причем участие, которое в избытке проявляла к Нему Она, Ему не нравилось – потому только, что их ничего не связывало. Ну или почти ничего. А с Братом связь была кровная. Его слова были дороги даже для такого черствого человека, как Он. Однако, Брат на похвалы был скуп.

–Я забыл, – почесал лоб Брат, тоже порядком охмелевший от непонятного капитанского пойла, лившегося сегодня рекой, – я уже знакомил тебя со своей Девушкой?

–Да, уже раза три.

Она, как обычно, только смеялась в ответ.

–И как она тебе? В смысле, что скажешь?

–Это тоже спрашивал.

–И все же?

–Хорошая. Только, наверное, неприлично при ней это обсуждать.

–Пустое, – отмахнулся Брат, – она уже почти привыкла к нашим обычаям. Хотя некоторые, что привезла с собой, весьма чужды для нас. Например, никак не отучу ее готовить. Что делать с этим недостатком – ума не приложу. Как на такой жениться-то?

–Отвыкнет еще.

–Надеюсь.

Зазвонил телефон. Капитан пригласил Его к трубке.

–Это ты? – Он узнал Ее голос. Точно так же, как вчера, и даже почти в то же время.

–Он.

–Я думала, у тебя Дело. А ты в «Капитане». Любопытно.

–Что любопытного? – Он как будто немного разозлился. Она пыталась его контролировать, хотя Он не давал Ей повода. Или давал?

–Нет, ничего, – пробормотала Она. – Просто я соскучилась. Может, зайдешь?

–Может.

Он положил трубку и вдруг подумал, что больше не хочет здесь находиться. Здесь не было ничего из жизни, что он искал.

Потом, как и Капитан, ни с кем не попрощавшись, вышел на улицу. Город тонул во мраке, хотя был день. Сырость и вода по щиколотку буквально затапливали местные улицы, делая невозможным даже дыхание. Было холодно и темно, не то, что вчера. Времена года здесь менялись примерно раз в неделю, а также имели обыкновение смешиваться друг с другом – как бывает у людей, больных маниакально-депрессивным психозом. Еще вчера было лето, а сегодня уже нечто между ранней весной и осенью. Почему так и, главное, зачем все это – зачем меняются времена года, зачем завтра ему отправляться на Дело, зачем развлекать в свободное время людей, а потом бегать от охотников, ничего серьезного из себя не представляя, – Он не знал. Никто не знал, и никого это не тяготило. А Его тяготило.

От осознания тяжести в груди сковало ноги. Вышел и чуть не упал на крыльце – то ли алкоголь странный, то ли мысли, куда более странные косили Его. Что-то сегодня определенно Ему мешало. Решив не идти к Ней без повода (Охота кончилась), Он развернулся на дырявых каблуках и зашагал обратно к «Капитану».

Глава третья

Теплое место, но улицы ждут отпечатков наших ног.

Звездная пыль – на сапогах.

Мягкое кресло, клетчатый плед, не нажатый вовремя курок.

Солнечный день – в ослепительных снах.

Цой, «Группа крови»

16 августа 2005 года, Химки, Московская область

Вдохновения не было. Алижан смотрел на раскидистый лес, вид на который открывался из окна его небольшого, но уютного дома, слушал звуки реки, пение птиц, но прежний душевный подъем все никак не приходил. То ли жара как знак прощания уходящего лета с людьми была тому виной, то ли старая, как мир, истина о том, что даже хорошее имеет обыкновение приедаться человеку и надоедать по прошествии какого-то времени.

Хотя об этом Алижан думал в последнюю очередь. Ни Санкт-Петербург, который он, по старому обыкновению, называл Ленинградом, ни Москва, не нравились ему так, как здешние подмосковные пейзажи, сочетающие в себе первозданную красоту лесов и полей и далекие отголоски столичной урбанизации. Долго он искал такое место, где будет ему спокойно и хорошо и, в то же время, цивилизация не будет очень уж далека. Раньше он жил в Ленинграде, но «северная столица» давно оттолкнула его своей сусальной провинциальностью. Он давно понял, что под напускным блеском столичных атрибутов скрывается простая русская деревня – темная и злобная. Потом ненадолго переехал в Москву – там все было слишком живо, он не поспевал за тамошним ритмом, скоростью отличавшимся от ленинградско-невского, чересчур размеренного, до медлительности. А когда поселился здесь, то понял – это навсегда. Никакой спешки, никаких отвлекающих от творчества факторов, никакой суеты. И в то же время – до суеты этой, если вдруг соскучишься или понадобится она тебе для чего-то, рукой подать. Но ему она была не нужна...

Вот уже почти 15 лет Алик Кабанбаев жил здесь и получал удовольствие от того, что видел. Удовольствие такое по силе своей, что чувствовал – грешно не то, чтобы не поделиться с людьми этим девственно-красивым чудом, а не оставить о нем какое-нибудь воспоминание для эфемерных (детей у Алижана не было) потомков в столь же красивой форме. И потому он рисовал. Рисовал много и разнообразно – не всегда пейзажи, иногда местные красоты подталкивали его к написанию полунаивных портретов каких-то странных, никогда в жизни не видимых персонажей. Иногда резал по дереву малопонятные, кубистские или сюрреалистические картинки. Но неизменно все вдохновение он черпал только в здешней природе, одного взгляда и дыхания на которую было достаточно, чтобы зарядиться энергией, как заряжается от сети аккумулятор.

Однако, последнее время вдохновение стало куда-то пропадать. То ли искать себя надо было в другом виде искусства (хотя ни художником, ни вообще деятелем культуры Алижан себя не считал), то ли приелось ему то, что он видел, то ли времена изменились настолько радикально и резко, что он и не заметил, как стал резонировать не только с городской цивилизацией, но и с местными отшибами. Да и не сказать особо, чтобы нуждался он в этом вдохновении как в воздухе, не причисляя себя к служителям муз. Но что-то в этом августе пропало в его общей картине мира, и этот факт стал его сильно угнетать – ведь теперь придется либо

искать пропажу, либо заполнять образованную ею нишу чем-то новым. А возраст и состояние духа никак к этим поискам, оставшимся где-то в юности, не располагали...

Алижан снова и снова подходил к холсту, потом к верстаку с деревянным полотном. В голове, казалось, рождаются мысли о чем-то вроде бы красивом, но руки никак не желали им подчиняться и воплощать их в жизнь. Он вдруг подумал о себе: кто он? Живет тут вдали от цивилизации, Интернета, тусовок и прочих прелестей XXI века, перебивается кое-как никому не нужными картинами, резьбой по дереву да написанием музыкальных критических статей (тоже, скорее всего, никому не нужных) на заказ, публикуемых нерадивыми журналистами от своего имени. Иногда ходит на рыбалку. А в общем-то пустое место. Ни семьи, ни детей, ни флага, ни Родины. «Свободный художник... Думается, так они и выглядели. Вот только найти себя почти никому из них при жизни не удалось. А мне не удастся и после смерти...»

Был, правда, у него еще один источник вдохновения – группа «Кино». Нет, не песни – их он знал все наизусть, и они ему порядком надоели еще несколько лет назад. Но воспоминания о них и обо всем, что было связано со старым русским роком. Когда-то где-то по паре раз встретившись и «набухавшись» с Цоем, БГ, Кинчевым, он сохранил об этих людях и их творчестве теплые воспоминания, обращался к которым до сих пор время от времени, словно припадая к живительному источнику. Особенно в этом ряду, конечно, выделялся Цой. Напоминанием о встречах с ним до сих пор в углу комнаты висели какие-то старые подписанные им афиши, плакаты с их общим кумиром, Брюсом Ли, выцветшая и вытертая кожаная куртка и нунчаки. Когда-нибудь, думал Алижан, напишет он портрет Цоя или даже – в соответствии с пожеланиями «вечно живого» – вырежет его из дерева. Когда-нибудь. Не сегодня.

Устав от шатаний между холстом, верстаком и окном, он упал на диван и открыл банку пива. Оно, как назло, кончалось – сосед-таксист должен был привезти еще, но чего-то все никак не вез. Алижан подумал вдруг, что не поиском себя пугает его отсутствие вдохновения этими августовскими днями. Пугает его дурное предчувствие. Вот только предчувствие чего?..

От мыслей подобного рода отвлек звук автомобильного гудка с улицы – приехал сосед, таксист Женя Ясинский. У него был домик рядом с избушкой Алижана, и он, бывая в центре города намного чаще своего соседа, помогал последнему с доставкой продуктов, угля, питьевой воды. Рассчитывался он с таксистом деньгами, полученными от продажи своих статей и художественных работ. Хватало впритык, но хватало – во многом свободный художник и не нуждался, семьи-то у него не было. Как и у таксиста – жена бросила его лет 10 назад, и с тех пор он жил в здешней глуши один, замкнувшись и попивая в одиночку. Звал иногда соседа, и тот соглашался разделить с ним будни рыбака, состоящие из «клёва» и «неклёва», сопровождаемых обильными возлияниями.

Услышав сигнал, Алижан вышел на улицу.

–Принимай товар, – Женя вышел из машины и открыл багажник, затягиваясь сигаретой.

Алик вытащил на свет Божий несколько коробок с консервами и пивом, пару бутылок коньяка, два пакета с овощами, хлебом и еще какой-то ерундой и сложил все это возле калитки. Краем уха услышал, что из колонок в старом «жигуленке» льется песня Макаревича.

–И как ты это дерьмо слушаешь? – поморщился «свободный художник».

–Ты же вроде русский рок любишь?.. – не понял его «тонкого намека» менее свободный таксист, давась табачным дымом.

–Рок-да, но это – не рок. Это попса и политиканство, которого вовсе не было бы, если бы не протекция КГБ.

–Скажешь тоже. Он же бунтарь! – округлил глаза Ясинский.

–Это тебе так по телевизору говорили как раз те, кто его якобы «запрещал».

–Не пойму. А им-то тогда зачем он нужен был?

–В нашей стране, – объяснил Алик, – нет и никогда не было никакой оппозиции, за исключением эстетико-культурной, согласен? Ну за исключением, пожалуй, 1917 года. Во все

остальные времена оппозиция – это культура, ничего кардинально нового не предлагающая, а лишь критически относящаяся к существующему режиму. Тоталитарному строю, конечно, и такая поперек горла, но, если уж появилась, что делать-то? Старое, как мир, правило: «Не можешь победить – возглавь!»! А? Понял теперь?

–Что же получается, что и Макар, и БГ, и Цой – в общем, весь Ленинградский рок-клуб,.. того?– подумав немного, спросил грузоперевозчик.

–Нет. Не весь. Цой – мимо. Его они одолеть не смогли и потому в могилу затолкали. А вот эти двое, что ты в самом начале назвал, однозначно с гэбьем одним миром мазаны. И относились к Вите всегда как бык к красной тряпке – один критиковал и дерьмо лил, другой вроде как дружил, но таких друзей... и врагов не надо. Вот тебе и показатель, кто есть кто в русском роке. А вообще, строго говоря, одно...

–Ладно, ладно, – Женья почувствовал, что сосед расходится, садясь на любимого конька, и поспешил переменить тему: –На рыбалку-то пойдем? Последние деньки после Ильина дня, погоду упустим, потом клева не будет. А сейчас там просто Клондайк рыбный. А?

–Да, ты прав. Кстати, годовщина смерти Цоя. Он рыбалку любил. В общем, с рыбалки тогда и ехал. Надо сходить, ты прав. Даже не ради рыбы... Так когда рванем?

–Давай завтра часов в 5.

–Договорились. Только сильно с вечера не накидывайся, а то как поедem-то?

–Да ладно.

–Насчет этого, – Кабанбаев кивнул на склад продуктов питания у своих ног, – ничего, если я тебе деньги... завтра? А то тут не рассчитались пока...

–Да, пустяки. Таксисты денег не берут, – хохотнул Ясинский, прыгая за руль.

Не попрощавшись с товарищем, Алижан принялся заносить продукты в дом. Женья скрылся, и вскоре на его месте появилась машина очередного посетителя, известного многим по кличке «Шпис». Из шикарной иномарки выпрыгнул маленький приткий человечек в драповом пиджаке и направился к хозяину дома. Они поздоровались, гость хотел было помочь занести продукты, но вежливый «художник» остановил его – из вежливости. Все-таки не по чину было столь дорогому гостю мешки таскать...

Знаменитый столичный продюсер Юрий Айзеншпис был частым гостем Алижана – раз в неделю или две, но чаще, чем кто бы то ни было, включая соседа. Подмосковный отшельник иногда помогал мэтру столичного музыкального бизнеса в организации мероприятий, связанных с наследием русского рока 80-90-х, так как был фанатом и знатоком этого музыкального направления. Многих исполнителей Химкинский отшельник знал лично (правда, весьма шапочно и давно с ними не встречался), про многих писал критические статьи, сыпал воспоминаниями о закрытых сторонах их жизни (пьянки, «квартирники», подробности кустарной студийной работы на заре 1990-х). Имел и определенный музыкальный и художественный вкус по части организации сборных концертов, компоновки выступлений и произведений, оформления альбомов. Совокупность его знаний – как историко-биографических, так и эстетических – помогала Айзеншпису работать со старой гвардией рокеров, которых он иногда продюсировал, но на которых узко не специализировался. Скажем, надо было организовать сборный концерт – пара его «топовых» поп-исполнителей и столько же старых рокеров. За консультацией – к Алижану. Кого лучше пригласить, кого за кем поставить, какую композицию выбрать, кого и как уговорить и, наконец, какие доводы привести, чтобы побольше денег сэкономить. Или выпустить по итогам концерта альбом – опять без «свободного художника» не обойтись. На какой студии взять минусовку старой записи, в какой последовательности расположить треки, старый или новый вариант «рекорда» выбрать, как правильно оформить... В общем, ничего особенного, но было в обширной базе рок-знаний Алижана нечто, что выгодно выделяло его из общего ряда «фанов» и что привлекало в нем выдавшего виды Шписа. Исключительный вкус и феноменальная память даже о том, что забыли аксакалы – так, во всяком случае, думал

сам Шпис. И, думая так, приезжал, советовался, внимал, вникал в его творчество, а иногда и просто отдыхал в компании этого тихого, умного человека, живущего в лесной глуши.

Вскоре хозяин дома закончил перенос нехитрой провизии, пригласил гостя войти, они расположились в комнате и стали пить чай. Шпису показалось, что Алижан чем-то расстроен, отрешен. Однако, первым заговорить он не решился, – мало ли, вдруг что-то личное. Помолчав несколько минут, Алижан сам прервал тишину:

–Послушай, ты Иосифа давно видел? –глядя куда-то сквозь гостя, спросил он.

–Пригожина? Позавчера, а что?

–Да он мне тут прошлый раз статьи заказывал для журнальной версии «Антологии русского рока». Я тут набросал, про Кинчева, «Алису», Кипелова, времена их сотрудничества... Так, ничего особенного, небольшой свежий взгляд. Не передашь ему? – Алижан протянул ему несколько листов бумаги, исписанных плотным, аккуратным, убористым почерком.

–Обязательно передам. Сколько он тебе должен?

–Да, ничего, я дождусь, у меня есть пока, – отмахнулся Кабанбаев, зная, что сейчас не в меру сердобольный Юра начнет совать ему деньги.

–Брось, говори, мы с ним сами посчитаемся.

–40.

–Вот, держи, – забрав бумаги, Шпис достал из кошелька сорок долларов и вручил их Алижану. – Статьи передам, но редактировать будет Троицкий, ты его характер знаешь. Так что учти – могут вернуться на доработку.

–Да нет проблем. Только передай Иосифу, пожалуйста, чтобы публиковали так же от имени его журналистов. Не хочу светиться ни перед кем, а особенно – перед этой свиньей Троицким.

–Обязательно передам. А что насчет этого? – Айзеншпис кивнул на красную толстую папку, что лежала на полу в углу комнаты.

–Что это? – Алижан сделал вид, что забыл о принесенном Юрием материале, но в действительности все хорошо помнил; просто не хотел о нем говорить.

–Сценарий, – недоуменно пожал плечами Шпис. – Это же Леша Учитель сочинил. Ну ты его помнишь, он еще в «Камчатке» вместе с Цоем фильм «Рок» снимал, и на базе отснятого тогда материала хочет сделать новый полный метр. Ты, что, не прочитал до сих пор? Я же неделю назад тебе его привез и все объяснил.

–Прочитал. Бегло.

–И что скажешь?

–Что это просто ужасно, если не больше, – нехотя отвечал Алик.

–Что ты имеешь в виду?

Хозяин дома понял, что неприятного разговора не избежать. Он набрал побольше воздуха и приступил к излому копий.

–Все, от начала до конца, неужели непонятно?! Ну сам посуди – в чем смысл фильма? Погибает Цой. На место выезжает некая латышская следователь, которая в первую очередь вступает в интимный контакт с виновником его гибели, водителем автобуса Фибикусом. Благодаря этому, Фибикусу удастся уйти от ответственности. Но его «высокоморальные» качества не позволяют оставить в трудной ситуации близких Цоя, которым он решает помочь отвезти тело в Ленинград... Я уж не говорю о том, что ни один нормальный человек, который потерял родственника по вине – прямой или косвенной – другого человека, не станет обращаться к последнему за помощью и никакого сострадания не примет. Это бы все черт с ним. Но что начинается потом? Всю дорогу до Ленинграда все близкие Цоя, включая Марьяну, Разлогову, Рикошета, Каспаряна, Стингрей, только и делают, что пьют и совокупляются! Вопрос – чем заслужил Цой и его память такое неуважение в дни, когда молодежь массово уходит из жизни в годовщину его гибели?!

–Мне кажется, ты узко смотришь на вещи, – покачал головой Юрий.

–Посмотри шире...

Тот почесал лоб и заговорил – пусть не так выразительно, но не менее убедительно, чем Алижан:

–Это же экран. Там, как и в жизни, не бывает однозначно положительных и отрицательных героев. Это же не театр. Там краски мешаются, за счет этого создается эффект присутствия... Вот Фибикус. Поначалу он выглядит негодяем, стремящимся любой ценой уйти от ответственности, так? А потом – достойным человеком, который протягивает руку помощи его семье. И с другой стороны – его близкие, которых мы знали как вроде бы культурных и светских людей, оказываются приспособленцами и подлецами. И встает вопрос – убили ли Цоя КГБ или холодность и непонимание его же окружения? Вот какова проблематика фильма...

–Проблематика?! – всплеснул руками Кабанбаев. – А про память артиста никто не подумал? Ладно, на семью всех собак повесить, проехали. Но кем изображается он? Рогоносцем? Слепцом? Тупицей, которого все подряд разводили и который годен был, как видно из фильма, только на то, чтобы удовлетворять потребности троглодитов, именуемых «деятелями культуры» и «ближним кругом»?!

–Еще раз тебе говорю, это жизнь, – не унимался продюсер. – И Витя не был безгрешен, и близкие его. Семью бросил, сына...

–Не бросил! – яростно взвизгнул Алижан. Собеседник поспешил его успокоить:

–Ну ладно, не кипятись. Не бросил, Марьяна сама виновата была. Но и он, когда начинал с ней жить, тоже не был слепым. И многие про него вспоминают, мягко говоря, в серых красках – и тебе это отлично известно. Нет, не потому, что они злопыхатели и сволочи. Просто потому, что они запомнили его таким. Бесспорно, поэт и композитор он был отличный, но ведь не только и не столько из этого собирается в наш век доступной информации образ кумира. Он состоит и из негативных черт тоже, и ему они не страшны, потому что те, кто по-настоящему фанатеют от него или любят его как друга, обязательно найдут этому оправдание и увидят изюминку и прелесть даже там, в тех чертах героя, где ее нет.

–И на них рассчитан сценарий? На такую аудиторию?

–Ну, в основном.

–А что, если нет? – предположил художник. – Если настоящие враги Вити посмотрят эту лабуду, схватятся за нее руками и ногами и начнут полоскать его память и его семью?

–Так это же будет прекрасно! – всплеснул руками Шпис. – Представляешь, какая волна поднимется?! Это же как вторая жизнь Виктора Цоя будет! В наше время не имеет значения вектор, с которым поднимается и развивается волна популярности. Имеет значение длина, то есть высота, этой волны. Неважно, ругают тебя или хвалят. Важно, что говорят. Разве не так?

Алижан только покачал головой:

–Я тебе, Юра, так скажу. Дорога ложка к обеду. Учитель твой, когда «Рок» снял, тогда и должен был думать насчет проката.

–Но ему тогда не дали, ты же знаешь, цензура запретила.

–А какая разница? Сейчас, спустя 15 лет, доставать архивный материал, не ему одному, а еще и наследникам Вити принадлежащий, чтобы нагреть на нем руки – как минимум мародерство. Снималось для другого, при других обстоятельствах, с другой целью. Не спросив у Виктора – а спросить у него невозможно – сейчас вырвать кадры из контекста и вставить их даже хотя бы в хороший фильм (под критерии которого принесенный тобой сценарий никак не подпадает) было бы безнравственно...

–Погоди, – остановил своего визави продюсер, переводя разговор в более знакомое и приятное для него самого русло. – Причем тут нравственность? Ты сказал о членах семьи, так? Их интересы будут учтены. Мы как раз сейчас их «обрабатываем» на предмет получения согласия на съемки. И тебе нехило перепадет, если согласишься для картины пару эскизов

сделать, над студийными съемками поработать, костюмами поможешь... Уж поверь мне, я тебя никогда не обделял!

– Да, я знаю, к тебе никаких претензий. Но все же я думал, что ты к памяти Вити лучше относишься...

– Вот только не надо про мое отношение, ладно? – одернул его Шпис. – Я всю жизнь деньги зарабатываю, и Вите помогал их зарабатывать тоже. Это моя работа. И, если есть возможность не на песнях, а на образе Цоя их сделать и помочь его семье и тебе, в том числе, то, поверь, я это сделаю!

– Ладно, – Алижан почувствовал, что Шпис прав, и пора спор заканчивать, пока он окончательно не проиграл. – Давай договоримся так. Все равно без согласия родственников ничего не выйдет. Как только договоришься с ними, милости прошу. Я возражать не буду, и чем могу, тем помогу.

– Если бы еще проконсультировал где-то как-то, это было бы здорово, – протянул ему руку Юрий. – Лучше тебя биографию Цоя никто не знает.

Алижан посмотрел на него и улыбнулся.

Глава четвертая

*Я, лишь начнётся новый день,
Хожу, отбрасываю тень с лицом нахала.
Наступит вечер, я опять отправлюсь спать,
Чтоб завтра встать, и все сначала.*

Цой, «Бездельник-2»

31 марта 1981 года, Ленинград

Холодная, сыкатная и сырая ленинградская весна упорно не желала вступать во владение «северной столицей», хотя календарно имела на это все права. В общем, ничего удивительного – как писал больше ста лет назад другой знаменитый петербуржец, «зима недаром злится, прошла ее пора; весна в окно стучится и гонит со двора». Спасаться в такую погоду можно только музыкой, хорошей компанией и рекой спиртного, которого, как на грех, не достать.

Тропилось «повезло» родиться именно в эту пору. Неизвестно, правда, какая погода стояла в этот день 30 лет тому назад, но, по всей видимости, зима куда более суровая, сталинская. Только так можно объяснить всплеск рождаемости послевоенного периода – люди, как тогда, так и сейчас, спасаются от погодных и социальных заморозков только теплом своих тел. Сегодня им предстояло примерно то же самое – пить, любить друг друга и петь о наболевшем, мечтая о том, что после хрущевской оттепели настанет брежневская.

Пели у него дома в этот его персональный праздник много – издержки профессии в виде сплошных плюсов. Правда, как толком называется его профессия, Андрей не знал. Нет, он слышал по «Голосу Америки» модное на Западе и совершенно непонятное слово «продюсер», но что оно значило, затруднялся ответить. В Союзе его коллег принято было именовать «импресарио», но и это слово не вполне ему подходило – лично он сам никаких концертов не организовывал и никаких популярных артистов не представлял. Нет, он мог договориться о каком-нибудь квартирнике или полуподпольном сборнике, даже получить гонорар для передачи преследуемым рокерам, его друзьям, а также держал дома небольшую студию, на которой, в общем-то, были записаны первые их альбомы, но разве можно это сравнить с почетной, оплачиваемой и престижной профессией директора артиста?! Например, директора Зыкиной или Пугачевой?! Конечно, нет. Ни по деньгам, ни по уважению, ни по значимости... Да и тридцатник ему исполнился в этом году, а горизонт был пуст – и когда он сопоставлял все эти факты в своей голове, становилось страшно. Гнал этот страх от себя он как мог – алкоголем, куревом или распеванием все тех же, сочиненных на коленке, но пронзительно новых песен. И, когда пел их и слушал, понимал: цель в этом броуновском движении все же есть. Привнести новое, дать народу свободу слушать и петь то, что он хочет, и, самое главное, о чем он хочет. И пусть на достижение ее уйдут годы, а все же это революция, причастность к которой даже в мелочи – уже счастье.

Тем более кое-какие успехи в этом деле новый, 1981, год принес. Буквально две недели назад официально открылся Ленинградский рок-клуб. Ну, правда, не совсем еще рок-клуб – скорее пока «Ленинградский клуб любителей музыки» (начальство ДДТ, на базе которого он был создан, решило пока не гнать коней и назвать клуб чуть нежнее, чем хотели его участники, дабы не нервировать лишний раз партийное руководство). Но он-таки открылся! Несмотря на властное сопротивление, на врожденную неприязнь власть предержащих к року вообще и

советскому року в частности, на запреты концертов, на гонения в адрес музыкантов... Противник, можно сказать, наполовину сдался, так как мысленно приготовился к поражению.

Конечно, до масштабов «Битлз» было еще далеко. Но точно уже можно было сказать, что музыкальные коллективы – члены клуба – будут приглашаться на крупные концерты и телепередачи, и, наконец, рок займет свое достойное место в общей панораме советской культуры. И не без участия Тропилло. Такой подарок ко дню рождения, подумать только!..

Сегодня у Андрея в гостях был весь цвет рока – Гребенщиков с «Аквариумом», Троцкий, Науменко, Шклярский с «Пикником», «Свин» Панов. И было еще двое ребят – их с собой привел Борис. Названия у них пока не было, были только смешные рубашки с выработкой и рюшками, прозвище «Неоромантики» и нелепый, но бойкий репертуар. Да настолько бойкий, что гости Тропилло не из числа прослойки деятелей культуры, но уже очень избалованные роком и западными радиоголосами, которых вообще трудно было чем-то впечатлить, после первой же песни под названием «Мои друзья», пустились в пляс.

Пришёл домой и, как всегда, опять один.
Мой дом пустой, но зазвонит вдруг телефон,
И будут в дверь стучать и с улицы кричать,
Что хватит спать. И пьяный голос скажет: "Дай пожрать."

Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.

Мой дом был пуст, теперь народу там полно,
В который раз мои друзья там пьют вино.
И кто-то занял туалет уже давно, разбив окно,
А мне уже, признаться, всё равно.

Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.

А я смеюсь, хоть мне и не всегда смешно,
И очень злюсь, когда мне говорят,
Что жить вот так, как я сейчас, нельзя.
Но почему? Ведь я живу. На это не ответить никому.

(Цой, «Мои друзья»)

Потом были еще «Бездельник», «Восьмиклассница» и еще пара песен из репертуара «Зоопарка» Майка Науменко. А еще влюбленный взгляд самого Майка, пойманный Гребенщиковым в середине вечера. Так он еще ни на кого не смотрел, даже на Макара. Да чего там – даже на свою жену, которой посвятил свою знаменитую «Сладкую N». Что это могло значить? Эффект тотального опьянения или новый феномен, новое слово в рок-музыке? Хотя откуда им взяться-то, этим феномену и новому слову? Неужто от двух невзрачных, мелких, тонких, влюбленно взирающих друг на друга пацанов, пытающихся произвести впечатление на присутствующих здесь «мастодонтов рока»?! Странно все это...

Через два часа после их появления, пока все присутствующие внимали идиотским рассказам новичков о том, по какой причине у их коллектива нет названия и умилялись на пустом месте, Троцкий и Гребень отошли на кухню покурить.

–Мдэ, ну и музыка... – кашляя от густого дыма, затянувшего кухню, говорил критик Троицкий. – Никакого сравнения с твоей... но я должен сказать, что именно они-то и сотрут вскоре тебя в порошок.

–С чего ты решил? Сам же говоришь, все весьма безвкусно?..– вылупил глаза БГ.

–Да, но сейчас именно такой формат нужен молодежи, – захлебнув горький табак сладким портвейном, отвечал Артем. – Конечно, по уровню им до тебя как до Китая пешком, но жизнь показывает, что широким массам, как правило, не до элитарной культуры. Они хотят слушать про те проблемы, которые их заботят, проблемы массовые, социальные – тунеядство, пьянство, разврат. И ребята им это дают... Ну и что, что никакого рока там нет? Зато есть повседневность, быт, и новый, отличный от прежней культуры, взгляд на них. Что такое рок? Мечты о свободе, так? А проглотит наш народ эту свободу, ежели мы привыкли кушать под ее соусом то, что никак под это слово не подходит? Думаю, подавится. Мечты-то несбыточные, а ими нас и так за 60 лет перекормили. Другое дело – вот эти вот неоромантики. Они не о высоком, как вы, рокеры. Они о приземленном. Причем в таких же приземленных красках.

–Погоди, но ведь суть рока именно в этом и состоит... – пожал плечами Боб. – Полная, ничем не ограниченная свобода, стремление к дзен...

–Да, но уж очень эти сентенции высоки и непонятны, когда в вашем исполнении, – разжевал Троицкий. – Макар все призывает какой-то костер зажечь до небес, дом построить с собаками и скамейкой, ты «Город золотой» ищешь. Где это? Что это? Нет, я не спорю, это все хорошо, но уж очень эфемерно и призрачно. Когда наступит эта ваша свобода и что надо сделать народу, чтобы ее построить? Никто точно не знает. А у этих неоромантиков все просто. Высокого идеала нет, а, в то же время, те низменные, что они пропагандируют, в ушах публики звучат погромче любого рока!

–И наш народ это все проглотит?

–А ему только того и надо! С мелочей все начинается. В них, если помнишь, и дьявол всегда скрывался. Нам мелочи надо. Продукты в магазинах, бухло в большом количестве, никаких моральных цепей – если тебе 20 лет, и организм ничего, кроме естественных надобностей, не испытывает и ни о чем не думает.

Гребень отхлебнул портвейна и уныло пробормотал:

–И что же, перековаться теперь? Идеалы рока – на свалку, «культуру в массы, деньги – в кассы»?

–Ну зачем так?! – парировал его великоразумный собеседник. – Все познается в сравнении. Такими, как эти малолетки, народ быстро наедается и вот тогда его начинает тянуть на что-то высокое, самокритичное, элитарное. Ну это как с пьянкой – утром просыпаешься и давай винить себя во всех смертных грехах. Бывало такое? Так и с их публикой будет. Они ее под тебя разогреют – если конечно ты дождешься своего выхода. И тогда твой враг станет твоим другом...

–Ну он еще не враг...

–Я фигурально.

–«Знать, только жить в эту пору прекрасную...» – философски процедил Боб.

–Совета просишь? – прочитал между строк Троицкий. – Пожалуйста. «Не можешь победить – возглавь». Ты, в общем-то, действия ведешь в верном направлении. Ты же их привел? Где вы познакомились?

–В электричке. Только я что-то не пойму, куда ты клонишь...

–По сути, ты для них сейчас – первый и единственный проводник в мире большого рока, который зарождается в нашем с тобой городе и на наших с тобой глазах. Они в этом деле еще неискушенные, молодые. Вот ты и направь, куда следует – конечно, не сразу в пропасть, а так, чтобы они и народ для твоего гордого появления в эпоху грядущих перемен подготовили, и особо сильно не взлетали. Вот сюда их привел. Молодец, правильно. Теперь, когда Дюша завтра

проспится, тащи их на запись дебютного альбома. Надо, надо! Обязательно пусть запишутся, почувствуют дух свободы, но так, чтобы не забывали, кто им это все дал. И да – название им придумай. А то без названия совсем нехорошо как-то получается.

–А ты бы какое предложил? – поинтересовался Гребень.

–Ну подумай головой, Борь. Если хочешь придать им необходимый вектор развития популярности, но не хочешь, чтобы слишком воспарили, придумай что-нибудь абсурдистское (как эти ниферы, неоромантики любят) и советское одновременно (чтобы наша аудитория их не вполне своими чувствовала, не становясь тем самым их аудиторией). Вот у тебя как? «Аквариум». Тут понятно. Живем как рыбы за стеклом, бесправные и молчаливые. У Майка еще круче – «Зоопарк». Про «Автоматических удовлетворителей» я вообще молчу. А ты предложи им нечто невообразимое. Например, ты какую последнюю книжку из советской литературы читал? – пустился в тонкие рассуждения на высоком уровне Троицкий.

–Да черт его знает... так сразу и не вспомнишь... «Гиперболоид инженера Гарина» вроде...

–Вот! «Гарин и гиперболоиды». Как? На стыке советского и идиотского, что, в принципе, давно одно и то же...

Гребенщиков улыбнулся.

–Интересно рассуждаешь. Есть что-то в этом непонятное и глубокое.

–В духе времени, – пренебрежительно отмахнулся от комплимента его собеседник. – Как и наш клуб... Все-таки, это круто, что мы его создали, а?

–Я, честно признаться, до последнего не верил, – смущенно улыбнулся Борис, все еще сомневаясь в приходе своего счастья. – Столько испытаний, свыше посланных, столько препятствий и тут... такой подарок Андрюхе на день рождения!

–Да и нам тоже.

Боб улыбнулся и хотел было еще что-то сказать, как вдруг на пороге кухни появился сложенный вдвое от смеха хозяин вечеринки и, сквозь приступы гомерического хохота, забормотал:

–Там... в зале... эти твои... романтики... такую романтику вытворяют... пойдете скорее!

Когда Гребень и Троицкий ввалились в зал, то увидели картину маслом. Половина народу – в основном, парни – катались по полу от смеха. Половина – в основном, девушки – с замиранием сердец смотрели на стоящих в центре комнаты «неоромантиков», которые, оставшись в чем мать родила, занимались не чем иным, как... самоудовлетворением. Натурально, во всей красе, лыбились, глядя друг на друга и совершали возвратно-поступательные движения руками в области обнаженного паха. Гребень чуть в осадок не выпал: лица напряженные, пот градом, сами ржут, мышцы и желваки играют по молодым телам... Боб и сказать ничего не успел, как минуту спустя выстрелы семени полетели в присутствующих дам, которые, визжа и хохоча, стали разбегаться во все стороны. Он понял: если сейчас же не утащить своих протеже, то вскоре их кавалеры придут в себя и накостыляют и парням, и тем, кто их привел. Сообразив это, он что-то проорал своим приятелям, те опрометью похватили с пола разбросанную по всей комнате одежду и, вместе со своим наставником, скрылись...

А потом все трое – Витя Цой, Леша Рыбин и Боб – шли домой к шефу «Аквариума» по морозным ночным питерским улицам и говорили обо всем, что волновало встревоженные умы еще не потерянного, но уже растерянного поколения.

–И что это за выходка была? – первым делом осведомился Боб, не до конца пришедший в себя после увиденного.

–Да, понимаешь, – отвечал Витя, – зашла речь про то, что молодые, по сути, парни, музыканты, превратились в таких снобов, что не уделяют должного внимания и любви своим поло-

винам. Образование ли с ними злую шутку играет или еще что, а только в этой вашей тусовке вы уж и забыли, что рядом с вами такие дамы прекрасные! Ну мы и решили показать девочкам, чего они достойны!

– Дрочить в их честь?! Ну вы даете! – захохотал Боб.

– Зря смеешься, между прочим, – парировал Рыба. – Во все времена именно сексуальное возбуждение было лучшим комплиментом для любой женщины! А, поскольку наше творчество предполагает пропаганду вольного секса, то проиллюстрировать его лучше, чем своим примером, мы просто не могли, сам понимаешь!

– Гениально! – с иронией оценил выходку юнцов Гребень, мысленно отметив, что даже его недюжинной смелости не хватило бы на то, чтобы повести себя подобно герою его песни «Старик Козлодоев», пусть и в сравнительно нежном возрасте. А вот им хватает, и это, к сожалению, выгодно отличает их от него в глазах массового потребителя...

– Кстати, а куда мы идем? – вдруг спохватился порядочно пьяный Рыба, отвлекая Боба от размышлений на тему «Каждому-свое».

– Идем ко мне, – ответил он. – Надо обсудить кое-какие ваши дальнейшие перспективы, как я их вижу. Или есть какие-то планы другие?

– Да нет, – пожал плечами Витя. – Только давай зайдем сначала к Марьянке. Она у родителей, приболела, не смогла сегодня с нами пойти. Вот хочу узнать, как там она, может с собой пригласить? Можно?

– Можно, а кто это?

– Жена моя.

– Оба! – удивился Боб. Он никак не ожидал от этих эротоманов таких фортелей как брак. – Такой молодой и уже женат?!

– Мы поженились, когда мне 18 было. В прошлом году то есть. Она постарше – ей 23.

– А зачем? – не понял старший товарищ. – Такая сильная любовь?

– Марьянка? – вскинул брови Цой. – Да это мое все. Если бы не она, мы бы с Рыбой так и тусили по хатам, не имея даже собственного репертуара...

– А что ж пели-то?

– Твои песни.

– Да ты что?! Серьезно?

– Серьезней некуда, – закивал головой Цой, начиная перечислять достоинства своей второй половины. Борис подумал, что это вполне соответствует его возрасту и стал слушать, снисходительно улыбаясь.

– С ее приходом и вдохновение пришло, и чувство стиля... – тараторил Витя. – Да, чего греха таить, она ведь нам даже костюмы из своего театра утащила. Рубашки, пиджаки, все. Она ведь в театре была заместителем главного костюмера! Так что наш сценический образ – тоже во многом ее рук дело, ее заслуга. И группа наша, можно сказать, и ее детище тоже... Да, вот мы и пришли. Я на минуту...

А еще час спустя в маленькой квартире Боба, полученной при помощи блата отца его супруги, Людмилы, помимо хозяев сидели уже и Цой, и Рыба, и Марьяна – высокая, не по размеру своего мужа, статная женщина с властным выражением лица и такими же повадками, явно претендовавшая если не на лидерство в молодом музыкальном коллективе, то на должность серого кардинала уж точно. Немного выпив и оттеснив своего юного супруга к виду, крутившему принадлежавшие Бобу кассеты с западными музыкальными клипами и отрывками из фильмов Брюса Ли, она включилась в разговор с Борисом практически на равных, хотя и видела его впервые.

–... «Гарин и гиперболоиды», говоришь? Интересная мысль. Только суть не вполне ясна, – чесала подбородок Марьяна, посылая вопросительные взгляды Борису, который и сам ничего не понимал в предложенной Троицким абракадабре.

–А сути никакой, – просто отмахивался он. – Первое, что в голову пришло – вот самое лучшее название, как практика показывает. На то они и неоромантики, чтобы проповедовать простоту и легкость окружающего мира во всех его проявлениях. В принципе, это и логично – нас 60 лет учат скрытые смыслы да подвохи везде искать, а пора это прекратить. Пора разоружиться перед миром, внутренне и внешне и открыться ему. А простота – главный залог этих действий... У них ведь и в песнях все так же просто – просто безделье, просто секс, просто отношения, просто любовь, просто завод. Значит, и название должно быть такое же.

–Тогда и название альбома должно быть таким же непритязательным, верно?

–Ну да.

–Тогда «45». Как тебе?

–Почему «45»? – не сразу понял Борис.

–Ну обычная длина магнитофонной ленты – 45 минут. Вот и название. «Что вижу, то пою», правильно я поняла?

Хозяин расхохотался.

–Сообразительная.

–Да я-то что? Витька да... Мне кажется, он вообще пока не признанный гений. Несмотря на кажущуюся простоту – ну ты-то понял – там такая глубина в его песнях, такой смысл, что и после нашей смерти, вероятно, не все его до конца поймут.

Борис с Люсей переглянулись, умиляясь тому, как хвалят друг друга влюбленные и, в то же время, сожалея о том, что такая пылкость в начале отношений имеет свойство столь же быстро их охлаждать. Сами через это прошли – и потому улыбались снисходительно, словно до срока сожалея о том, что вскоре этой любви суждено будет остыть.

–А ты молодец, что придумал их записать. Самое время сейчас...

–Да, – кивнул Боб, – запись можем начать сразу, как только Тропилло отойдет после праздничных мероприятий. Только вот репертуар надо подобрать и предварительно глянуть, послушать. Можно это сделать?

–Думаю, можно, – как заправский импресарио отвечала Марьяна, – только вот не знаю, где это можно сделать...

–Да хоть где. Хоть у меня, хоть у Леши Вишни, хоть у Тропилло. Последнее, кстати, намного лучше будет – он сразу поймет, что, в какой последовательности, что звуком выделить, что вообще исключить. Да, вообще какую дорожку на какую накладывать! Все-таки звукорежиссер со стажем.

Марьяна слушала его, кивала головой и поглядывала то на хозяев, то на мужа, то на Рыбина. Причем, на последнего с какой-то злобной ревностью. Вообще, Борис заметил, что между ней и Рыбой существовала какая-то неприязнь. Так, например, стоило Виктору заговорить о ней, как его коллега демонстративно отворачивался, шел пить или смотреть видео, его всего как будто передергивало. Напротив, она, едва слышав какой-нибудь мало-мальски стоящий комплимент в адрес Рыбина, спешила натянуть одеяло на Цоя и заявить, что Рыба – всего лишь его «друг», своего рода приложение к талантливому музыканту и поэту.

«И что в нем такого, что они задницы рвут перед ним? Кто он вообще? Даже передо мной так никто не гарцует», – ревниво думал Борис, в очередной раз получая подтверждение своей правоты хотя бы в том, что и сам он проявлял интерес к, на первый взгляд, ничего не значащему музыканту-любителю с образованием резчика по дереву и стойким мировоззрением тунеядца и прожигателя жизни. И не просто проявлял интерес, а стремился «пригреть» его в лучах собственной славы – мало ли одного этого факта, чтобы зазнаться юному лидеру группы без названия?!

Тем временем Рыба сидел в позе лотоса перед видеодвойкой рядом с Цоем и нежно обнимал его со спины. Они пили, Цой внимал мудреным экзерсисам восточных единоборств в исполнении Брюса Ли, которого прежде не видел, но в которого влюбился с первого взгляда, а Рыба краем уха еще и слушал разговор Бориса и Марьяны. Не желая отдавать бразды правления будущей революционной группой (пока еще живущей только в пьяных мечтах товарищей по оружию) в ее руки, он вдруг встал и огорошил всех.

–Интересно, – заявил он, – а как вы записываться собираетесь, если мы – не члены клуба? Кто альбом тиражировать будет, кто распространять? Кто нам вообще это разрешит? Или дома будем переписывать у Тропилло с ленты на ленту, пока его технику не переломаем? А цензура? Про нее забыли?

Борис хлопнул себя по лбу:

–Точно! Ты прав. Ну, с цензурой, допустим, проблем не будет – если в клуб вступить, то цензурировать песни будет Миша Боярский, с ним договоримся. Но вот если не вступить,.. то ни о каком альбоме и речи быть не может. Не дадут шагу ступить, ты прав...

Боб лихорадочно начал соображать – по плану Троицкого он должен был сделать все, чтобы их первый альбом вышел. Пусть провалится потом, но выйти он должен и до публики дойти в лучшем виде!

Минуту все оцепенело ждали и взирали на него...

–Слушайте! – наконец, на свой страх и риск, рубанул с плеча Боб. – Думаю, что единственный способ не просто записаться, а еще и опубликоваться – вступить в клуб...

–Слава Богу, дошло, – цинично бросил Рыба, дав повод Марьяне цыкнуть на него.

–...и я за вас поручусь, – продолжал Боб. – В конце концов, я там не чужой человек, кое-какое отношение имею. Конечно, надо будет выступить и показаться в лучшем виде перед худсоветом, но, думаю, с этим вы справитесь. Марьяна с образами поможет, мы какой-никакой репертуар сообща подберем. Какие у вас самые лучшие песни, парни?

–У нас все лучшие, – улыбнулся Рыба, – да вот только не знаю, согласятся ли остальные участники, услышав их?

–Ну а я-то на что? – не унимался Боб. – Будем уламывать... и уломаем!

«Преданная дружба» малознакомого Гребня, только-только выучившего имена и фамилии своих коллег по цеху растрогала Марьяну, которая решила впервые за вечер (она была простужена и почти не пила) поднять тост.

–Давайте выпьем за Боба! Он правда классный! Думаю, ребята, вас с ним ждет большое будущее!

–Или его с нами, – пошутил Рыба, опрокинув стакан портвейна. Говоря это, он явно не рассчитал последствия – обиделся на шутку не ироничный Боб, а обиделась на нее Марьяна. Она сочла, что Рыба испортил ее тост сомнениями в искренности сказанного и закатила скандал.

–Леша, какой же ты мудака! – орала она. – Ну почему ты вечно все портишь? Ты как пятое колесо в телеге, честное слово! Не представляю, на кой ты сдался Вите... Я, конечно, все могу принять, любое его решение. Но вот понять...

Рыба поддержал ее и принял эстафету.

–А ты?! Ты кто здесь такая? Каков твой функционал, и кто тебя им наделил, что ты так нос задрала? Сидишь тут, командуешь на равных, даже с позиции начальника какого-то! А в действительности как дело обстоит? Не скажешь?!

«Он ей слово – она двадцать. Он ей снова – она драться». Боб и Люся хохотали, видя, как сражается она за честь группы, свою собственную и Цоя. Между приступами гомерического хохота, подогреваемого все новыми порциями непонятно, откуда появлявшегося портвейна (казавшегося в тот вечер бесконечным) Боб задумывался только о том, что в действительности представляет из себя парень с корейскими чертами лицами по имени Витя, что сидит сейчас

у него в гостях и задает тон вечеру. Что за сила в нем, что адепты готовы глотки друг другу перегрызть за одно только право находиться в его тени?! А, может, никакой силы нет, и все это – следствие алкогольных возлияний?..

И только Цою было наплевать на мысли и дела окружающих – он сидел в углу и смотрел на «видике» отрывки из фильмов с участием Брюса Ли.

Досье («начало» Цоя). Виктор Цой родился в 1962 году. Детство музыканта прошло в Ленинграде в окрестностях Московского парка Победы: он родился в роддоме на Кузнецовской улице (располагается внутри парка; сейчас это кардиоцентр), семья до 1990-х годов жила в примечательном «генеральском доме» на углу Московского проспекта и улицы Бассейной (сейчас это памятник архитектуры). Некоторое время Виктор учился в близлежащей школе на улице Фрунзе, где работала учителем физкультуры его мама. В 1973 г. родители Цоя развелись, а через год зачем-то повторно вступили в брак.

С 1974 по 1977 год Цой посещал среднюю художественную школу, где возникла группа «Палата № 6» во главе с Максимом Паиковым. После исключения за неуспеваемость из художественного училища имени В. Серова поступил в СГПТУ-61 на специальность резчика по дереву: Цой профессионально вырезал из дерева фигурки нэцкэ. В молодости был поклонником Михаила Боярского и Владимира Высоцкого.

В конце 1970-х – начале 1980-х началось тесное общение между Алексеем Рыбиным из хард-роковой группы «Пилигримы» и Виктором Цоем, игравшим на бас-гитаре в группе «Палата № 6»; оба они познакомились в гостях у Андрея Панова (Свина), на квартире которого часто собирались компании, а также репетировала его собственная панк-группа «Автоматические удовлетворители».

Виктор Цой и Алексей Рыбин в составе «Автоматических удовлетворителей» ездили в Москву и играли панк-рок-металл на подпольных концертах Артемия Троцкого. Во время аналогичного выступления в Ленинграде по случаю юбилея Андрея Тропилло произошло сближение Цоя с Борисом Гребеничковым. Тогда же Виктор Цой, Алексей Рыбин и Олег Валинский (ныне – заместитель генерального директора АО РЖД) основали группу «Гарин и Гиперболоиды», которая уже осенью была принята в члены Ленинградского рок-клуба.

Андрей Тропилло, звукорежиссер, вспоминает свой 30-летний юбилей так: «...На мой день рождения пришел коллектив „АУ“, в котором на бас-гитаре играл Виктор Цой. Тогда они, правда, назывались еще не „АУ“, а группа „Х...й“. Вот именно так. Никакого „АУ“ еще не было. Это потом оно появилось... На ударных у них был сегодняшний директор Октябрьской железной дороги. Присутствовало очень много разных людей, Гребеничков, Майк, Троцкий, и всякие иные.

Когда я пришел туда, мне мой приятель Разумов говорит: „Ты знаешь, что они делали?“ И рассказывает мне, что вот Свин, Цой, Швед и еще пара человек сели в круг и дрочили. А гости-то были не только мои, но и товарища-бармена, и они были шокированы просто. Не знаю уж, дрочили ли они по-настоящему. Просто посреди зала, чем ввели народ просто в состояние ступора. И гости стали меня стыдить, типа, ты что делаешь... Там недалеко находится гостиница „Индиго“... Такая жирная... Так вот именно там потом и состоялся второй день концерта, на котором, кстати, Цой играл на ударных инструментах. Это был единственный раз, когда я видел его за ударными. Но это было. И пел он песню „И в окне моем не горит свет...“ Гребеничков спел в таком некоем стиле китч, с завываниями песню „Москва златоглавая“. И после нее Троцкий сказал Гребеничкову, что вот-вот, мол, эта шпана сотрет тебя с лица земли».

Именно на этом концерте Цой, сыгравший «Моих друзей», неожиданно получает признание от Артемия Троцкого. Песня так подействовала на него, что Артем потом везде о ней рассказывал, в том числе и Борису Гребеничкову, предрекая: «Вот та молодая шпана,

что сотрет вас с лица земли». Цой же, по словам Алексея Рыбина, взбодрился после похвалы Артема и начал работать над новыми песнями...

Как уже было сказано, осенью 1981 года музыканты вступили в Ленинградский рок-клуб и ближе познакомились с влиятельным представителем рок-андерграунда Борисом Гребеничковым, которому настолько понравилось творчество молодой группы, что он предложил им совместно поработать на студии. В начале 1982 года название коллектива сменилось на «Кино». Смысл названия заключался в нём самом – оно краткое, ёмкое, а также «синтетическое», то есть искусственное. Когда придумывали название, главными условиями были наличие не более двух слогов, распространённость и лёгкое произношение. Эти условия появились из-за того, что первое название «Гарин и гиперболоиды» было слишком длинным.

Дебютный альбом записывался на студии, собранной Андреем Тропилло из списанного оборудования различных организаций. Так как группа «Кино» на тот момент состояла всего из двух человек, Гребеничков попросил помочь своих коллег по «Аквариуму»: Всеволода Гаккеля (виолончель), Андрея Романова (флейта) и Михаила Файнштейна-Васильева (бас-гитара). Получившийся магнитоальбом содержал 13 песен, а назван был по запланированной общей продолжительности в минутах – «45». В среде музыкальных критиков альбом остался почти незамеченным, но поспособствовал популярности группы, в том числе за пределами Ленинграда. Цой впоследствии отмечал, что запись вышла довольно-таки сырой, и выпускать её не следовало.

Андрей Панов, тот самый «Свин», лидер группы «Автоматические удовлетворители», вспоминал: «А потом нас пригласили на тридцатилетие Тропилло. „АУ“ все пришло, и с нами, естественно, Витя, поскольку мы все время вместе болтались. И как сейчас мне кажется, была тогда у Гробоценкова мысль „АУ“, ну, что ли, пригреть – все-таки новые люди, молва такая... А поскольку я вел себя там отвратительно, о чем очень жалею, и на всю катушку дурака валял, то он, видимо, поостерегся. Мы там поиграли, а потом Витя спел какие-то свои темы. У него к этому времени накопилось вещей пять. И Гробоценков, очевидно, понял: вот кого надо брать. И правильно, кстати, понял. И с тех пор Витя приходил ко мне все меньше и меньше, говорил, что все время у БГ находится. И потом, когда уже у него был первый концерт в рок-клубе, я к нему даже после не подошел, потому что Вите это уже было не надо и, я думаю, даже претило его понятию. Я это без обиды говорю. Просто он прошел этот период – и идиотства, и информационной накачки. У него уже был другой круг знакомых. Я сам прекрасно понимал обстановку, что я, в принципе, уже не нужен, там трамплин гораздо выше. Но это было потом. А вообще, пока Витя не стал большим человеком, он был, в общем-то, очень смешной парень».

Действительно, «раскрутка», как сейчас говорят, молодой группы была заслугой Бориса Гребениčkова. Однако, отношения между музыкантами складывались не всегда ровно. Многие считали, что «мастодонт» рока завидует молодому коллеге, который однажды сказал про своего наставника, что, дескать, умри он в подходящее время (то есть сейчас) – станет легендой. В этом БГ усмотрел некоторое оскорбление в свой адрес. Видимо, поэтому после смерти Цоя стал обвинять его и музыкантов группы во всех смертных грехах...

В одной из программ «История российского шоу-бизнеса» на СТС он заявил: «В конце 80-х-начале 90-х в России, бывало, приходили люди в малиновых пиджаках с пистолетом и говорили: «Играй вот такую песню». Это было и с группой «Кино» в конце 80-х. Юрий Айзенпис лично сдавал их в аренду бандитам. Он вышел из тюрьмы, это были его люди. Группе «Кино» могли позвонить в четыре часа утра и сказать: «Ну-ка быстро поднимайтесь! Тут браткам нужно, чтобы вы сыграли». Было неприятно, как рассказывают. А им деваться было некуда. Сотрудничество с Айзенписом – это была смерть группы».

Однако, в СССР не было людей в малиновых пиджаках – они появились уже после гибели Цоя, а Айзенпис в то время был смекалистым валютчиком, который оброс бандитскими

контактами значительно позже, когда в шоу-бизнес потекли настоящие деньги. А во времена «Кино» он жил с мамой в маленькой квартирке на «Речном вокзале», а его «бандитскими друзьями» были попавшие в лапы закона торговцы антиквариатом.

Музыканты «Кино» Юрий Каспарян и Георгий Гурьянов, подруга Виктора Цоя Наталья Разлогова, и режиссер «Игры» Рашид Нугманов резко осудили Гребеникова за ложь. И Борису Борисовичу пришлось оправдываться: «Приношу свои извинения; эта история была рассказана мне кем-то лет пятнадцать тому назад и – как выясняется теперь – несколько не соответствует истине. Очень сожалею, что она попала в СМИ. Все. Вопрос должен быть закрыт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.